

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

КОГОТОК
БОЛЬШОГО ВЗРЫВА

Абсолютное оружие

Василий Головачев

Коготок Большого Взрыва

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Головачев В. В.

Коготок Большого Взрыва / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2018 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-04-109625-0

Свидетельница рождения Вселенной, космический экзот, гигантская суперструна, гравитация которой в разы превышает поле тяготения таких монстров, как Юпитер, приближается к Солнечной системе, притягивая к себе и разбивая на куски планеты, астероиды и... космические корабли, встретившиеся на пути. Похожий объект, только значительно меньше, полвека назад уже залетал в зону обитания людей, и Земля избежала катастрофы. Что это было тогда? Пробный «выстрел»? Проверка на стойкость? А теперь? Кто-то решил гарантированно очистить пространство будущей экспансии или это трагическое совпадение, которых в космосе не счесть? На эти вопросы предстоит ответить майору Денису Молодцову, командиру экспедиции на струну, готовому искать неожиданные решения в нестандартных ситуациях. Готовому не жалеть себя во имя людей. Готовому ко всему...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109625-0

© Головачев В. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

На струне	6
Иллюстрация 1	6
Иллюстрация 2	11
Иллюстрация 3	18
Иллюстрация 4	29
Иллюстрация 5	35
Иллюстрация 6	45
Иллюстрация 7	49
Иллюстрация 8	52
Иллюстрация 9	60
Иллюстрация 10	69
Иллюстрация 11	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Василий Головачёв

Коготок Большого Взрыва

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации: © blue-bubble, Cartone Animato, chockdee Romkaew, cobalt88, DeryaDraws, DmitriyRazinkov, Elena Pronenko, elfinadesign, Essl, Funny Drew, fixer00 Ganzales, Hibrida, iABC, DivinHX, ievgen vector, infostocker, Jiri Vaclavek, jovan vitanovski, Juststocker, Klavdiya Krinichnaya, kuray, Shpadaruk Aleksei, L.DEP, Liu zishan, Login, medesulda, mikser45, Nattaly, RFV, Sunspire, Sylverarts Vectors, -strizh-, Tetiana Ch, Yganko, Yurii Andreichyn, Zebra Finch, zima-letto / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

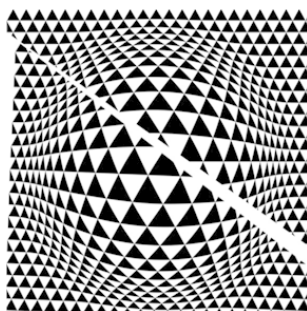
© Головачёв В.В., 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

На струне

Иллюстрация 1

Станция наблюдения за планетным кластером, который местные разумные обитатели – люди – называли Солнечной системой, находилась на периферии системы, далеко за орбитами всех больших планет.

Вокруг станции в пределах прямой видимости плавали небольшие космические тела, состоящие практически целиком из водяного льда с вкраплениями пыли и замёрзших газов, хотя в этом кольцевом рое планетоидов, окружавших Солнечную систему, встречались и более крупные объекты наподобие крайней планетки системы – Плутона. А чуть подальше – в облаке Оорта, скоплении планетезималей и пылевых струй, представлявших собой «строительный мусор» Солнечной системы, оставшийся после её формирования, имелись планеты, сравни-

мые по размерам с планетами внутренними. Их орбиты были очень вытянутыми, поэтому в системе они появлялись редко, исчезая на тысячи лет из поля зрения людей, уходя от Солнца на десятки и сотни тысяч астрономических единиц¹.

Одна из них, прозванная людьми Нибиру, уже прошла афелий² и повернула к Солнцу, чтобы через какое-то время прошесть мимо внутренних планет – Марса, Земли и Венеры.

Впрочем, морлоков – так на языке жителей станции звучало название их расы – это обстоятельство не волновало. Они были существами «чистого интеллекта», абсолютно лишёнными эмоций, и внешне напоминали покрытых шерстью драконов с земного острова Комодо, только прямоходящих, отчего издали их можно было спутать с людьми.

Неудивительно, что как раз люди довольно точно описывали физический вид морлоков и рисовали их такими, какими они являлись в реальности. Морлоки уже посещали Землю в прошлые времена, миллионы лет назад, и даже успели пополнить земной генофонд, оставив после спаривания с земными млекопитающими потомков, почти полностью ассимилировавшихся среди людей. Внесли они свой вклад и в духовное развитие землян в виде культов, в центре поклонения которых был дракон. И основными приверженцами этих культов являлись китайцы и метисы син-расы, почти исчезнувшие к настоящему моменту: индейцы, монголоиды и этнически близкие к ним группы азиатского региона Земли.

Интерес к третьей планете и вообще к Солнечной системе у морлоков то гас, то разгорался, в зависимости от социально-ресурсной обстановки на родных планетах созвездия Змееносца – как называли земные астрономы область галактики, заселённую драконами. Миллионы лет назад морлоки прилетали как исследователи, потом долго не появлялись в окрестностях Солнца, занимаясь внутренними проблемами и разборками с соседями. Но полсотни лет назад снова выслали отряд наблюдателей, теперь уже имея к Солнечному кластеру практический интерес. Население планет расы превысило демографический предел, и морлокам требовалось найти ещё одно звёздное пристанище. Для этого на окраину Солнечной системы и была отправлена станция, в обязанности персонала которой входила оценка физических параметров внутренних планет и средств для подготовки экспансии. Обычное рутинное дело. Такое уже случалось не раз, когда подходящие для заселения системы других звёзд надо было очистить от менее развитых существ. Ничего личного, жизненная необходимость, не более того.

Впрочем, надо отдать должное морлокам: они добросовестно изучили каждую планету кластера, чтобы составить мнение о потенциале системы и получаемых в распоряжение природных запасах. Но выбор сделали однозначный: третья планета, населённая людьми, всё равно являлась лучшим вариантом для переселения. Единственное, что требовалось, – поднять общую температуру атмосферы планеты на тридцать градусов и насытить её водяным паром, так как родная планета морлоков представляла собой необычное сочетание каменистой пустыни и горячего болота, нагретого едва ли не до температуры кипения воды. Но работа по коррекции природы Земли не была проблемой, морлоки обладали нужными технологиями. Другие же планеты кластера требовали большего вложения сил и средств.

К моменту описываемых событий на станции работала смена специалистов в количестве девяти особей. Поскольку раса морлоков чётко делилась на сословия – от Высшего до Низшего, всего их насчитывалось шесть, то и служители станции относились к разным сословиям.

Руководил коллективом Драго Совершенный, он же – просто Главный. Его заместителем был Драго Обязанный, морлок уровнем ниже, на станции все звали его Счетовод.

В свою очередь у него в подчинении были операторы: Д-техник, Д-программист, Д-служитель и четыре Д-хлопотуна, в обязанности которых входила уборка станции и доставле-

¹ Единица измерения космических расстояний, равна среднему радиусу орбиты Земли = 149,5 млн км.

² Афелий – самая дальняя точка орбиты планет.

ние удовольствий представителям высших каст. Все морлоки были двуполыми, и на Земле их назвали бы гермафродитами.

Суточный режим планеты морлоков напоминал земной, хотя сутки на их планете были на два часа длиннее, и за пределами родной планеты он поддерживался неукоснительно. Так как они были хладнокровными существами (несмотря на высокую температуру окружающей их водной среды), то спали больше – по шестнадцать часов в сутки, превращаясь на ночь в застывшие скульптуры самих себя. Пробуждали их специальные аппараты, обдувающие морлоков горячим паром, и процедура эта длилась не меньше часа, пока они не приходили в себя. Зато потом действовали, думали и двигались быстро, не так, как их «близнецы» – драконы Комодо.

Дежурство на станции не доставляло особых хлопот. Оборудование и аппаратура наблюдения работали в автоматическом режиме. Менялись только программы да целевые установки, если вдруг Главного что-то заинтересовывало. А скуки морлоки не испытывали, как не испытывали и каких-либо нравственных переживаний. Основным посылом в будущее для них было желание жить в соответствии со своими представлениями, не считаясь ни с кем, кроме тех, кто принадлежал к сословию выше.

Так как морлоки давно владели способом пре-одолевать космические расстояния с помощью образования «нор» в вакууме, их не тревожило соседство с хозяевами Солнечного кластера. Их техника передвижения в пространстве превосходила возможности людей, хотя «драконы» не были её создателями. Способ достижения дальних звёзд и планет они позаимствовали у другой расы, практически уничтожив братьев по разуму. Поскольку станция была внедрена в тело одной из малых планеток, состоящей из льда и пыли, ей не нужно было иметь собственные двигатели. Однако в её ангаре имелся пересекатель пространства – транспортный модуль, способный в случае необходимости доставить смену исследователей на родную планету, которую отделяло от Солнечного кластера расстояние в шестьсот световых лет.

Правда, существовали правила и инструкции, нарушать которые обитатели станции не имели права. В данном случае, если им понадобилось бы вернуться домой или хотя бы прошвырнуться по Солнечной системе, Главному необходимо было получить разрешение на вояж. Что снижало вариативность деятельности экипажа, зависящей от указаний свыше.

Поздно вечером по внутреннему времени станции базовый вычислитель и коллектор информации, аналогом которому мог бы стать один из компьютеров земных национальных космических агентств, сообщил оператору о колебаниях гравитационного фона в тылу пояса Койпера.

Оператор – в данный момент это был Д-техник, прозванный коллегами за медлительность Столбом – завис над консолью управления станцией, размышляя над полученными сведениями. Оценил состояние космоса в пределах обозреваемой зоны. Обнаружил небольшие колебания тел пояса Койпера, однако не усмотрел в этом явлении признаков угрозы.

Во-первых, оно проявилось достаточно далеко от станции. Во-вторых, это движение напоминало реакцию снежно-пылевого облака на пролёт внутри него крупного объекта, породившего ударную волну в виде двух разлетающихся струй камней и ледяных глыб. Причём обе струи как бы обходили станцию с двух сторон далеко за пределами зоны безопасности. Планетоиду и самой станции эти струи не угрожали.

Поэтому, передав управление автоматам, Столб спокойно отправился спать в свой отсек. Однако ему не следовало этого делать.

Нарушения в медленном движении пояса Койпера вокруг Солнца были вызваны не спонтанным вторжением в облако обычного обломка льда или окаменевшей пыли, а появлением объекта иного плана, предвидеть встречу с которым не мог никто из морлоков. Да и людей тоже.

Этот объект представлял собой идеально прямой стержень, если можно было назвать стержнем струну толщиной почти в элементарную частицу, но обладавшую чудовищной силой притяжения. Гравитация этого стержня-струны превосходила гравитационное поле трёхсот таких планет, как Земля.

Путешествовал он в космосе миллиарды лет с момента рождения Вселенной и за время путешествия оброс таким количеством пыли, газа и льда, что стал похож на трубу, диаметр которой кое-где достигал значительных величин, до сотни километров и больше.

«Шуба» эта из пыли и каменных обломков распределялась по длине стержня неравномерно, а длина его превосходила расстояние от Земли до её спутника почти в десять раз.

Двигался этот странный стержень со скоростью, равной одной сотой скорости света³, но не так, как летит копьё – остриём вперёд, а перпендикулярно пути своего движения, и концы стержня, обросшие грудями собранного космического «мусора», превращавшие его в подобие гантели, как раз и баламутили негустой «суп» пояса Койпера, притягивая к себе мелкие койпероиды и дробя их на куски.

Возник стержень как привидение из глубин созвездия Стрельца, не потревожив тамошние звёзды. Но войдя в пояс материала, выброшенного из Солнечной системы, стал виден. Но не как звезда или комета, так как не светился сам, имея температуру космического пространства⁴, а благодаря своему гравитационному влиянию на планетоиды, мимо которых пролетал.

Вычислитель станции, определив потенциальную опасность сближения с экзотическим феноменом, включил сигнал тревоги, когда стержень-струна стал виден визуально – как тонюсенькая серебристая – в лучах далёкого Солнца – ниточка с утолщениями по всей длине. Однако просыпались хладнокровные морлоки медленно, весь процесс пробуждения, отогревания и инициации мыслительной деятельности длился не одну минуту, и когда Столб окончательно пришёл в себя, было уже поздно что-либо предпринимать. Экзотическая морлокская автоматика, не изменявшаяся на протяжении миллионов лет, не могла самостоятельно действовать, не получив соответствующую команду. Она подготовила аварийные системы и включила систему жизнеобеспечения транспортного модуля, но ждала приказа дежурного смены перейти на режим ЧС. Когда Столб появился в терминале управления станцией, счёт уже шёл на секунды.

Необычный длинномерный объект, попирающий все известные физические законы, приблизился к планетоиду, в недрах которого пряталась станция, и, несмотря на то что их разделяло приличное расстояние в одну тысячу длин (что соответствовало тысяче километров по земным меркам), притянул к себе планетоид с такой же лёгкостью, как человек при вдохе втягивает в себя пролетающего мимо комара.

Только в данном случае роль человека играла струна огромной массы, а роль комара – планетоид с «вклеенным» в него искусственным сооружением.

Всё произошло в течение очень короткого времени. Столб успел лишь выдать команду автоматике разбудить Главного и в надежде спастись бросился в отсек, где стоял транспортный модуль. Но как быстро он ни бежал, добраться до отсека не успел.

Планетоид снесло к струне удивительного творения природы, причём ещё при рывке он начал дробиться на ледяные глыбы и крошиться на снежные комья, а осел на струне уже длинным хвостом снежной пыли и обломков льда, проделав не одно колебание наподобие маятника, то притягиваясь, то по инерции пролетая мимо струны.

Станция не выдержала первого удара, разрезанная почти пополам невероятно тонким «лезвием»: по ней прошла как раз самая тонкая часть мчавшегося с космической скоростью стержня, свободная от утолщений льда и пыли. Обе половинки станции миновали «лезвие»,

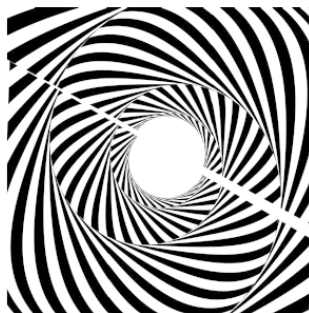
³ Скорость света равна 300 000 км/с.

⁴ Температура космического пространства равна -273 °С (близка к абсолютному нулю).

но далеко не улетели, задержанные и увлечённые вслед за продолжавшим полёт «лезвием» силой гравитации. Вскоре они догнали стержень-струну, столкнулись с ней, и ещё не один раз, прежде чем успокоиться в глубине огромного снежно-ледяного кома – остатков разбившегося планетоида.

Но морлоки, успевшие проснуться, защищённые особыми конструкциями жилых отсеков станции, уцелели...

Иллюстрация 2

Российская астрофизическая обсерватория «Миллиметрон» была запущена в космос в две тысячи двадцать втором году и не зря до сих пор считалась одной из крупнейших астрономических станций, работающих в автоматическом режиме. Поместили её в точке Лагранжа ⁵ на расстоянии полутора тысяч километров от поверхности Земли, где практически заканчивалась атмосфера планеты и отсутствовал космический мусор: отслужившие свой срок спутники, их обломки и твёрдые частицы.

Обсерватория изначально была оборудована зеркальным телескопом с диаметром зеркала в десять метров, сформированным двадцатью четырьмя лепестками, и высокочувствительными датчиками излучений субмиллиметрового и миллиметрового диапазона ⁶, обладающими уникальным угловым расширением, превышающим возможности человеческого глаза в миллиарды раз. Кроме того, обсерваторию снабдили щитом из пяти экранов, защищающем её от солнечного излучения.

За истекшие с момента запуска «Миллиметрона» пятьдесят три года оборудование обсерватории не раз менялось и обновлялось, но она по-прежнему считалась великолепным инструментом исследования комет, астероидов, космической пыли, газовых облаков и экзопланет, открытых у других звёзд Галактики.

Двадцать первого декабря две тысячи семьдесят восьмого года оператор отдела обработки астрофизических наблюдений, принадлежащего Астрокосмическому центру ФИАН имени Лебедева, Евгений Макошин наткнулся в компьютере на запись необычного явления на периферии Солнечной системы, полученную от станции «Миллиметрон», обзоревающей радиант созвездия Стрельца далеко за орбитами планет, в поясе Койпера. В этом кольцевом облаке, вращавшемся вокруг Солнца, примерно в пятидесяти астрономических единицах, возникло небольшое возмущение в движении облака малых тел. Создавалось впечатление, что в облако вторгся невидимый объект большой массы и размеров, хотя телескопы обсерватории не смогли разглядеть нарушителя покоя. Будто он был невидимкой.

Заинтересованный открытием Макошин начал копаться в данных, поднял записи обсерватории за месяц до обнаружения феномена, однако ничего не нашёл. Тогда он связался с коллегой из отдела космической радиоастрономии и сообщил о своём открытии.

– Сан Саныч, посмотри свои файлы в Койпере, на радианте Стрельца, – добавил он. – Не случилось ли такого раньше? Может быть, это наконец проявилась пресловутая Нибиру?

– В этом районе ничего экзотического не наблюдалось, – ответил оператор центра. – Но я проверю.

⁵ Точка Лагранжа – район космоса, где гравитационная сила Земли уравновешивается центробежной силой.

⁶ С длиной волны от 0,02 до 17 миллиметров.

Поскольку сорокачетырёхлетний Евгений Макошин был дотошным человеком и превыше всего в работе ценил скрупулёзное педантичное ведение дел, то он перво-наперво проверил все записи обсерваторий, подчинённых Астрокосмическому центру ФИАН, а потом позвонил директору центра доктору физических наук Стромалити.

– Понял вас, Евгений Иванович, – ответил ему шестидесятилетний, не по возрасту подвижный и активный учёный, всю свою жизнь посвятивший изучению комет и астероидов. – Продолжайте изучение материалов, а я свяжусь с коллегами из других епархий.

Он и в самом деле сделал несколько звонков в известные обсерватории мира, и вскоре с десяток телескопов в разных странах, а также находящиеся на борту космических станций – «Хаббл», «Гершель», «Спитцер», «Вебб», «Астрон» и другие, обратили свой взор на окраину Солнечной системы по вектору созвездия Стрельца.

Результаты не заставили себя ждать.

Первой о возмущении поля астероидных тел в поясе Койпера сообщила САО РАН – крупнейшая специальная астрофизическая обсерватория в Карачаево-Черкесии, расположенная между станцией Зеленчукской и посёлком Архыз. Она владела шестиметровым оптическим рефлектором БТА и кольцевым радиотелескопом РАТАН-600 диаметром в шесть сотен метров. К тому же на её территории недавно заработала новая система из двенадцати малых телескопов.

Директор обсерватории Цорендоржиев проконсультировался со своими подчинёнными, операторы настроили телескопы и уже на следующий день получили данные, подтверждающие результаты наблюдений «Миллиметрона». В поясе Койпера, на расстоянии в семь с половиной миллиардов километров от Солнца, действительно появился некий невидимый, но чрезвычайно массивный фактор, возмущающий движение тел роя астероидов и ядер комет. Что-то приближалось к внешней зоне Солнечной системы извне, причём с приличной скоростью – три тысячи километров в секунду.

Ответили директору центра ФИАН и другие обсерватории: в Чили, в США, Канаде, Мексике и в Европе. Вывод был однозначным: в Солнечную систему направлялся аттрактор планетарного масштаба, хотя по-прежнему ни один телескоп землян не видел его носителя. Заметны были лишь косвенные следы его движения – как два волновых уса на воде в кильватере плывущего судна.

На всякий случай Стромалити позвонил генералу Бойко, давнему другу, директору Центра национальной системы контроля космического пространства, созданного в две тысячи двадцать первом году в недрах Воздушно-космических сил России, и попросил его проанализировать полученную информацию на предмет предполагаемой угрозы.

Бойко пошутил по этому поводу: ты что, Роман Петрович, где мы, а где пояс Койпера? – но пообещал сделать всё возможное и слово сдержал. Через два дня он сообщил Стромалити о выводе специалистов Центра, заинтересованных явлением, а результаты расчётов доложил командующему ВКС генералу Бояринову.

Генерал, в отличие от него, шутить не стал. Ближе к концу двадцать первого века космос преподнёс человечеству не один неприятный сюрприз, швыряя к Солнцу кометы и крупные астероиды, и не стал относиться к людям добрее. По Солнечной системе продолжали летать опасные объекты, грозящие Земле космическим апокалипсисом, а начавшаяся с двадцатых годов новая гонка вооружений и вовсе держала в страхе правительства земных государств, пытавшихся утихомирить американскую и прочую военщину.

Бояринов созвал совещание, обсудил со своими экспертами степень угрозы со стороны пока ещё далёкого объекта в поясе Койпера, к работе подключились комплексы радиотехнического контроля, оптико-электронные системы обнаружения космических форс-мажоров, расположенные в Калининграде, Московской области, Алтайском крае и на Дальнем Востоке, затем заработало Лунное Око – комплекс радиотелескопов на Луне, и началось то, что психо-

аналитики назвали «эффектом домино». Сначала в астрономических кругах, потом в военных родилась сенсация: к Солнцу направлялся Бич Божий, по выражению Ватикана, который должен был «наказать людей за грехи их тяжкие».

* * *

Отреагировало на сенсацию и военное руководство России.

Министр космической обороны генерал Кочергин выслушал доклады командующего ВКС и директора ФИАН, разобрался в причинах суматохи и вызвал на совещание кроме ответственных за оборонные решения командиров ещё и главу Национального центра экстремального оперирования в космосе генерала Стогова.

В Плесецке еще полстолетия назад была создана база НЦЭОК, обслуживаемая военными, которая подчинялась командующему ВКС. База имела свой космодром и по оснащению не уступала аналогичным комплексам других стран, зарекомендовав себя как мощная структура, способная решать проблемы в любом районе Солнечной системы.

К моменту вызова Стогов, кряжистый великан с добродушным лицом детского врача, находился в одном из институтов ВКС в Подмосковье и на совещание прибыл со своим заместителем, полковником Верником, командиром ОГАС – особой группы аварийного спасения в космосе.

Всего в кабинете министра в этот ранний утренний час двадцать восьмого декабря собралось шесть человек: сам хозяин кабинета, директор Центра национальной системы контроля космического пространства генерал Бойко, глава НЦЭОК Стогов, полковник Верник, генерал Каминский, глава Экспертного совета Министерства обороны, и директор Центра управления полётами генерал Сароян.

Кочергин не любил начинать совещания с неторопливого чаепития, все это знали и, заняв места за круглым столом у окна кабинета, сразу раскрыли планшеты.

Министр бросил взгляд на экран своего рабочего кванка⁷, как стали называть компьютеры с момента внедрения квантовых технологий, и оглядел сосредоточенные лица присутствующих.

– Товарищи, в связи с внезапным появлением так называемого Бича Божьего возникла щекотливая ситуация. Мы первыми его обнаружили, то есть я хочу сказать – первыми Бич обнаружили наши астрономы, однако американцы отреагировали быстрее и уже готовят экспедицию в пояс Койпера. Поэтому речь пойдёт не столько об оценке степени опасности, которую несёт этот необычный объект, сколько о наших возможностях послать в зону Койпера поисково-исследовательскую группу. Но сначала уточним детали происшествия и обсудим причину. Виталий Васильевич, вы начнёте?

Бойко посмотрел на Каминского.

– Все материалы мы передали нашим экспертам.

Каминский, худой, седой, с косматыми бровями и чёрными глазами учёного фанатика, готового сжечь полмира ради реализации своих идей (на самом деле он был очень ответственным человеком), в свою очередь посмотрел на министра обороны.

– Разрешите, Михаил Довлатович?

– Без церемоний, Гелий Ромуальдович.

– Мы считаем, что имеем дело с экзотом, о каком успели забыть.

– Экзотом?

⁷ Аббревиатура слов «квантовый компьютер», компьютер, способный общаться с пользователями как человек.

– Объектом с экзотическими характеристиками. Полста лет назад, когда многие из нас ещё под стол пешком ходили, в Солнечную систему уже залетало нечто подобное, если кто помнит.

– Вы имеете в виду суперстринг? – уточнил Стогов.

– Совершенно верно, Семён Сергеевич. Пятьдесят три года назад Систему пересекла так называемая суперструна, которую обследовали наши космонавты во главе с майором Денисом Молодцовым.

Присутствующие оживились.

– Насколько мне помнится, к этой струне летали не только наши парни, – сказал Бойко. – Там побывали и американцы и китайцы.

– Произошла любопытная история. Пилоты американского шаттла не смогли оценить опасность сближения с объектом, их снесло к струне, и наши ребята помогли им выбраться из гравитационной ямы.

– То есть эта ваша суперструна – гравитационная яма? – сказал Бояринов.

– Не совсем так, но масса струны очень велика.

– Что же это, по-вашему?

– Совершенно конкретный объект, подтверждающий теорию рождения нашей Вселенной в результате Большого Взрыва.

Присутствующие переглянулись, однако никто не выразил своего отношения к сказанному в форме скептической улыбки.

Кочергин кивнул. Он был самым молодым из совещающихся, вообще самым молодым министром обороны в истории России, и, как все убедились, самым продвинутым и эрудированным.

– Продолжайте, Гелий Ромуальдович.

– Такие объекты возникали в первые микросекунды начавшегося инфляционного расширения Вселенной, наравне с первичными чёрными дырами и флуктуациями, и они являются реализацией «растяжки» микропетель и колец суперструн до макромасштабов. По сути это одномерные, релятивистские, суперсимметричные, протяжённые объекты с гигантской массой. По тем материалам, которые нам стали доступны после пролёта струны пятьдесят лет назад, можно судить, что то была струна типа Грина-Шварца...

– А есть и другие?

– Совершенно верно, по именам изучавших особенности струн физиков.

– Не отвлекайтесь, товарищи, – сказал Кочергин.

– В общем, такие струны теоретически могут иметь космические размеры – тысячи и даже миллионы километров.

– Почему теоретически?

– До тех пор пока мы не встретились с одной суперструной на практике, считалось, что суперструны – всего лишь удачный и красивый математический феномен. Но природа нас посрамила, показав, что экзоты – реальные объекты и субъекты её жизни. Со всеми подробностями полёта к суперструне команды Молодцова вы можете ознакомиться в базе данных РАН и ФСБ под названием «Соло на оборванной струне».

– Я ознакомился, – сказал Кочергин, глянув на циферблат коммуникатора на руке. Сероглазый, узколицый, с твёрдыми губами и широким подбородком, он олицетворял собой энергичного, знающего цену времени человека. – Вы полагаете, к нам возвращается та самая суперструна?

– Не уверен, Михаил Довлатович. По косвенным прикидкам длина нынешней струны достигает как минимум трёх миллионов километров, в то время как длина пролетевшей пятьдесят лет назад не превышала четырёх тысяч километров.

– Всего, – усмехнулся Кочергин.

– Сравнительно, конечно, – смутился Каминский.

– Чем это может грозить нашей космической инфраструктуре?

– Если струна приблизится к Земле на расстояние, сравнимое с тремя радиусами вращения Луны, произойдёт глобальная катастрофа! Земля сойдёт с орбиты, возбудятся вулканы, цунами смоем все прибрежные города и страны. Такой сценарий не раз использовали писатели-фантасты и режиссёры фильмов-катастроф. Думаю, разница всех этих сценариев только в деталях. Речь идёт не о разрушении космической инфраструктуры, которая не так уж и велика, а об исчезновении человечества.

– Но ведь до пояса Койпера далеко.

– Судя по приблизительным оценкам движения Бича Божьего, – сказал Бойко, – его скорость близка к трём тысячам километров в секунду. Это означает, что, если он продолжит лететь к Солнцу с такой же скоростью, к зоне внутренних планет, начиная с Марса, он приблизится через месяц.

– Плюс-минус трое суток, – добавил Каминский, – в зависимости от реальной скорости движения.

В кабинете установилась хрупкая тишина.

– Мы ничего не успеем предпринять, – севшим голосом проговорил Бояринов.

– Сбить, – сказал тёмнолицый черноглазый Сароян.

– Нереально, – покачал головой Каминский. – Масса таких струн может превосходить массу Земли в несколько раз. Её не остановит никакой ядерный взрыв.

– Переселение?

– За оставшееся время подготовить флот и переселиться на другие планеты нереально. Да и куда переселяться? До ближайших звёзд мы ещё не добрались по большому счёту, а на соседних планетах имеем только исследовательские городки и заводы. Даже на Марсе не успеем устроиться.

– Переселение – не решение проблемы, – сказал Сароян.

– А что, по-вашему, является решением?

Начальник ЦУПа пожал плечами:

– Пока не знаю, если честно. Надо обсудить проблему всем миром, пусть учёные предложат способ остановить или в крайнем случае повернуть Бич Божий. Не понимаю, почему молчат американцы. Обычно они первыми начинают кричать об угрозе человечеству.

– Обвиняя при этом Россию, – буркнул Бойко. – А в этот раз обвинять некого, вот они и решают, что делать. Может, учуяли выгоду? В чём? Что может дать суперструна, болтающаяся в космосе?

– Новые технологии, – сказал Бояринов.

– Не только, – качнул головой Каминский. – Она пролетела миллиарды световых лет, на неё налипло столько всего...

– Чего именно? Пыли и камней?

– Думаю, не только пыли, её могли посещать космические корабли иных цивилизаций.

– Что предлагаете, товарищи? – постучал пальцем по столу Кочергин.

Снова стало тихо.

– Надо лететь туда, – убеждённо сказал Стогов. – Оценить угрозу на месте.

– У вас конкретное предложение, Семён Сергеевич?

Стогов и Верник переглянулись. Стогов кивнул.

– Группа КОСПАС готова к вылету в любой момент, – сказал полковник.

– Это прекрасно, однако даже если мы отправим её к поясу Койпера, – сказал Бойко, – прямо сейчас, группа доберётся до объекта не раньше чем через две недели. Наши машины, даже с генераторами Леонова, не летают быстрее тысячи километров в секунду.

– Маленькая поправочка – не летали, – сказал Сароян. – Мы только что испытали космолёт новой конструкции, оснащённый преобразователем Лоренца. Наши испытатели назвали его дыроколом.

– Как? – удивился директор Центра контроля.

– Дыроколом. Англичане называют его крякгеном – от английского crack – трещина, поскольку этот преобразователь делает дырки в вакууме или трещины.

– Я не знал, что уже готов работающий концепт.

– Не просто концепт – полноценный корабль, способный развивать почти световую скорость.

– Я не знал, – повторил Бойко с удивлением.

– Простите ради бога, Виталий Васильевич, – улыбнулся Кочергин. – Мы не афишировали работу над проектом «Енисей». Кстати, корабль тоже назвали «Енисеем». Об испытаниях знали только разработчики и испытатели.

– Понятно, поздравляю. Кто испытывал корабль?

– Экипаж полковника ВКС Аурики Ветровой, – сказал Стогов. – Первоклассные специалисты, прекрасно справившиеся с заданием.

– Параллельно с нами над созданием корабля с крякгеном работали и американцы, – добавил Сароян.

– Не только американцы, – сказал Кочергин. – И китайцы, и европейцы в ЕКА, и индийцы. Насколько нам известно, все они тоже близки к решению проблемы.

– Кроме европейцев, – уточнил Бояринов. – Они слишком поздно поняли возможности crack-эффекта.

– Но и у наших партнёров, и у нас всего месяц, что мы успеем сделать?

Присутствующие замолчали, переглядываясь.

– Сначала надо добраться до пояса Койпера, – хмуро сказал Сароян. – Убедиться, что мы не ошиблись и к нам действительно летит Бич Божий. А заодно натравить на нейтрализацию угрозы все наши учёные умы и найти способ избежать апокалипсиса.

Кочергин некоторое время рассматривал в глубине экрана тоненькую соломинку с узловатыми утолщениями по всей длине: это было изображение суперструны, пролетевшей сквозь всю Солнечную систему пятьдесят три года назад. Переключил аккаунт и некоторое время разглядывал появившееся изображение: суперструна, получившая название Космическая Китайская Стена, пролетела мимо Солнца на расстоянии всего в три миллиона километров, и Солнце отреагировало на это гигантским протуберанцем.

Министр передернул плечами, поднял глаза на Стогова.

– Семён Сергеевич, сколько потребуется времени на подготовку экспедиции и полёт к объекту?

– Надо посчитать...

– Мне сегодня докладывать президенту о предпринятых мерах, нужны хотя бы прикилочные цифры.

Начальник Центра экстремального оперирования покосился на заместителя, несколько секунд изучал экран своего планшета.

– Подготовка не займёт много времени, день-два, не больше, да и полёт тоже. При минимальных нагрузках на генератор «Енисей» спокойно выдержит одну треть скорости света и долетит до Койпера за сутки.

Приглашённые оживились. На лице Бойко отразилось сомнение.

– Вы не заблуждаетесь насчёт световых скоростей, господа генералы? Нам действительно они доступны?

– Уже доступны, Виталий Васильевич, – проговорил Сароян. – Недалеко то время, когда мы начнём осваивать Солнечную систему по-серьёзному. Хотя даже владея космическими ско-

ростями, сравнимыми со скоростью света, летать свободно по галактикам не сможем. Для этого нужны иные технологии.

– Я вас понял, товарищи, – сказал Кочергин. – Пока что по-серьёзному надо начинать работать с Бичом Божьим. И готовиться будем ко всему, в том числе – к глобальной панике, когда слухи о приближении Бича достигнут мировых соцсетей. Придётся думать и об эвакуации населения, и о защите космодромов и станций в космосе.

– Надо сообщить партнёрам, – сказал Каминский, – о наших планах послать экспедицию.

– Вот они обрадуются, – скептически покривил губы Сароян.

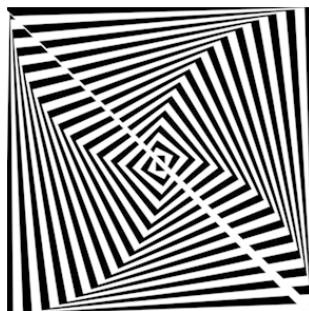
– Делясь радостью, главное – не огорчить, – пошутил Бояринов. – Думаю, нам не следует никого предупреждать. И хорошо бы точно знать о планах коллег в США и Китае. Что говорит разведка?

– Новые корабли американцев и китайцев тоже готовы к полёту, – сказал Кочергин. – Хотя и не проходили ходовые испытания, насколько нам известно.

– Они будут шифроваться до последнего, – сказал командующий ВКС уверенно. – А нам неплохо бы оказаться у Бича первыми. Насколько точны разведданные?

– Стопроцентно, – усмехнулся Кочергин. – Американский корабль называется «Ниагара».

Иллюстрация 3

Ветер в спину дул приличный, срывая с барашков волн пенные хлопья, и Денис не заметил, как его отнесло от берега на пару километров.

Впрочем, кайтером он был классным, занимаясь фойл-кайтбордингом⁸ давно, и водных просторов не боялся, тем более что над прибрежной морской зоной висели спутники и дроны, обеспечивающие контроль безопасности и охрану здоровья отдыхающих. В любой момент можно было вызвать по мобильной связи помощь и получить её в течение нескольких минут.

Ветер сменил направление, стал холоднее. Всё-таки декабрь в Крыму – это вам не август с температурой воздуха за тридцать пять, хотя из-за глобального потепления климат на всей планете изменился, льды Арктики почти полностью растаяли, потекли гигантские территории вечной мерзлоты, высвобождая миллионы кубометров метана, которые тоже начали способствовать увеличению температуры атмосферы и усиливать парниковый эффект. К концу двадцать первого века человечеству с трудом удалось приспособиться к новым климатическим условиям, нарушившим тысячелетиями сложившиеся циклы. И теперь купаться можно было летом не только в южных морях, но и в северных, а также в прилегающих к Антарктиде. Денис уже давно собирался с компанией таких же сорвиголов покататься на сёрфе в антарктическом море Лазарева.

Конечно, температура воды в Чёрном море в декабре не превышала восемнадцати градусов, однако Денис в свои двадцать семь лет холода не боялся, а в компании вообще мог схватиться с любыми стихиями, веря в свои силы и удачу.

Денису Молодцову исполнилось двадцать семь лет. Он закончил Смоленский институт логистики, затем Академию космических чрезвычайных режимов – АКЧР, называемую студентами Акачуркой, и пошёл по стопам деда, тоже Дениса Молодцова, отдавшего больше полсотни лет служению в спасательных подразделениях Воздушно-космических сил России.

Дед давно «произвёл вынужденную посадку на пенсию», как он выражался, и жил с женой Кэтрин Бьюти-Джонс, бабушкой младшего Дениса, в городке Ветке, неподалёку от Гомеля. Хотя нередко гостил по полгода на родине Кэтрин, бывшей некогда капитаном американского шаттла, на её ранчо в Техасе.

Отцу Дениса Ерофею Денисовичу пошёл пятьдесят второй год, и он до сих пор продолжал служить в ВКС, возглавляя отдел технического мониторинга национальных систем связи. Со своей женой Виолеттой, матерью Дениса, он жил в Мурманске, в новом бытовом кластере «Зелёный Арктик», возведённом на берегу Кольского залива Баренцева моря двадцать лет назад. До этого судьба побросала семью Ерофея Денисовича по многим городам и всяем страны от Калининграда и Плесецка до Камчатки, но он не изменил своему призванию

⁸ Фойл-кайтбординг – катание на сёрферной доске с килем, под парусом. Кайтер – спортсмен-кайтбордист.

– служить людям, спасая их от разных бед, и Денис, родившийся в Смоленске, стал, по сути, продолжателем династии спасателей, не пожалев об этом ни разу.

Выглядел он внушительно, под стать деду: рост метр девяносто, широкие плечи, волевой подбородок, жёсткий взгляд прозрачно-серых глаз, в каждом движении ощущается сила, внушающая уважение, и только нос немного портил мужественный формат лица, сохраняя родовые черты; таких людей на Руси называли курносыми.

Впрочем, Денис по этому поводу не комплексовал, не считая себя ни красавцем, ни уродом, что было справедливо. Другим было всё равно, как он выглядел, а девушки ценили его совсем за другие качества.

Ветер снова переменился.

Денис привычно сменил галс, начиная искать подходящий курс, который должен был вывести его к далёкой жёлтой полоске берега.

И в этот момент глаз зацепился за яркое красное пятнышко в полукилометре от Дениса, ещё дальше от берега. Оно мелькнуло и пропало, будто порыв ветра погасил огонёк свечи. Однако интуиция уже расправила крылышки, и сердце почуяло пусть и не беду, но неправильность, потому что на таком расстоянии от берега не должны были находиться ни граничные бакены, ни буи для ориентации яхт и катеров. Море здесь было глубокое.

Рука сама потянула леер, направляя фойлборд туда, где исчезло красное пятнышко.

Через минуту Денис понял, что ему встретился такой же спортсмен-кайтер, как и он сам. Только парафойл отважного мореплавателя почему-то перестал тащить доску и свалился в воду, отказываясь выполнять функцию движителя. Спортсмен безуспешно пытался поднять его, но у него ничего не получалось. Силы ветра не хватало приподнять кайт и запустить его в небо.

Денис подплыл ближе, лавируя таким образом, чтобы ветер держал его собственный кайт.

Крикнул:

– Давайте, я вам помогу!

Ему ответили сдавленным женским голосом:

– Вряд ли вам это удастся.

Только теперь он разглядел мокрое лицо спортсменки: это и в самом деле была девушка или, скорее, молодая женщина, потерявшая спортивный шлем. Волосы у неё, схваченные узлом на затылке, потемнели от воды, но всё же было видно, что они светлые.

Денис сделал поворот:

– Я попробую подхватить стропы и потянуть ваш кайт за собой. Сможете бросить?

– Не уверена.

– Попробуйте.

Девушка разобралась со стропами, взялась одной рукой за доску:

– Ловите!

Денис проплыл мимо, но мокрый конец линя не поймал. Пришлось делать круг и возвращаться. Доска была оборудована подводным крылом, что существенно увеличивало как скорость скольжения по воде, так и манёвренность, и он мог разворачиваться буквально на пятачке, несмотря на висящее над ним крыло похожего на параплан кайта.

Однако ни второй бросок, ни третий не принесли успеха. Остановиться Денис не мог, так как его кайт, потеряв скорость, сам лёг бы на воду, а линь был короткий, и хозяйка фойлборда с воды не могла бросить его точно.

– Плывите к берегу, – прокричала она, стирая ладонью воду с лица. – Можете вызвать катер? Я утопила свой шлем.

– Могу, – сказал Денис. – А хотите попробуем по-другому? Вставайте на доску, я вас подхвачу, и мы вместе доплывём до берега на моей.

– Утопим борд, – засомневалась девушка.

- Попытка не пытка.
- Всё равно вызывать спасателей.
- Они и без вас доставят ваше оборудование на берег.
- Хорошо, рискнём. – Девушка ловко взобралась на двухметровой длины фойлборд.

Серебристая ткань комбинезона облегла её фигурку как вторая кожа, и Денис невольно оценил приятные изгибы тела незнакомки, а также отсутствие страха или какого-либо волнения. С виду она была лишь немного разочарована.

- Готовы?
- Да.

Он ещё раз развернулся и, сблизившись с балансирующей на доске девушкой, проплывая мимо на минимально возможной скорости, правой рукой сорвал её за талию с доски и перетащил на свой борд. Жгут, стягивающий волосы девушки, разорвался, в лицо Денису ударила волна мокрых волос, ослепляя. Однако он удержался на ногах, незнакомка прильнула к нему со спины, обняв его за талию сильными руками, и кайт понёс пару к берегу, едва не зацепив левым крылом барашки волн. Доска Дениса выдержала вес обоих кайтеров, хотя над водой не поднималась. Чувствуя приятное возбуждающее тепло от рук и тела прижавшейся незнакомки, Денис поднял крыло кайта повыше, и скорость увеличилась. Берег стал приближаться быстрее.

На ходу он нашёл волну станции спасателей южного берега Крыма, объяснил ситуацию.

- Будем через пять минут, – пообещали ему.
- Куда отправить ваш борд? – повернул он голову к спутнице.
- Пансионат «Южный», мыс Ай-Юри, – ответила она.
- Доставьте доску и кайт в пансионат «Южный», – повторил он в пуговку рации на губе.

Ветер снова переменял направление, словно играя с любителями острых ощущений, пришлось лавировать, скорость упала, но Денис даже был рад этому обстоятельству, так как его обнимала красивая женщина и хотелось продлить эту ситуацию подольше.

К песчаному берегу в подкове горных склонов, напротив белоснежного корпуса санатория, они пристали через четверть часа.

Денис вытащил свой фойлборд на песок, подтянул кайт.

Девушка выбралась из воды и остановилась, поджидая своего спасителя.

Вокруг засуетились юркие киберы обслуживания пляжа, почти пустого в этот яркий солнечный день, собираясь упаковать плавательное средство на тележку, но Денис остановил их:

- Отставить! Я сейчас поплыву обратно.

Из-под навеса с оборудованием для весёлого времяпрепровождения на воде торопливо вышел мужчина в серо-голубом унике, крупного телосложения, глыбистый, мощный, поспешил через весь пляж к разговаривающей паре.

– Меня зовут Аурика, – протянула руку девушка. У неё были зелёные глаза, брови вразлёт и красивого рисунка точёные губы, притягивающие взор. Волосы девушки подсохли и стали цвета золотистой корицы, высветленные по моде хюгге.

- Денис, – пожал он её пальцы.
- Благодарю за спасение. – В голосе незнакомки прозвучала ирония. Губы сложились в сверкнувшую молнией улыбку. – Хотя в наше время рыцари не в фаворе.
- Попробую разубедить вас в этом. Как вы смотрите на вечер в ресторане?
- В принципе, положительно. Хотя приглашать вас должна я.
- Это принципиально?
- Нет.

Он посмотрел на красивый корпус пансионата, похожий на крыло чайки.

- Отдыхаете здесь?
- Второй день, с погодой повезло. А вы?
- Я остановился в километре от вас, в санатории «Форос».

– Любите холодное море?

– Скорее – люблю экстрим.

Аурика прошла оценивающим взглядом по фигуре молодого человека.

– Ради удовольствия? Или вас кто-то поощряет?

Вопрос был задан с подковыркой, и Денис засмеялся.

– Я хожу по воде один, мои друзья это дело не любят. Где встретимся? Здесь или в «Форосе»?

Аурика глянула на торопливо подходившего мужчину.

– Созвонимся. Запомните телекс?

– Диктуйте.

Она продиктовала номер мобильной связи.

Подошёл мужчина в унике. У него было мрачноватое лицо гранитной чеканности с прямым «римским» носом и узкими твёрдыми губами и светло-жёлтые кошачьи глаза. Глянув исподлобья на Дениса, он, не здороваясь, повернулся к девушке:

– Что случилось, Ри?

Денис с любопытством посмотрел на его губы, прислушиваясь. Голос у незнакомца был под стать его облику – такой же каменно-скрипучий, погромыхивающий, властный и твёрдый.

– Всё в порядке, Илья, неудачно сманеврировала, уронила кайт. Этот джентльмен меня спас. Его зовут Денис. Денис – это Илья.

Мужчина кивнул.

Денис протянул руку:

– Рад познакомиться.

Помедлив, здоровяк протянул свою руку, и ладонь Дениса словно попала в клещи: ладонь приятеля Аурики была вылеплена из того же материала, из какого состоял он весь – гранитно-твёрдая и каменно-холодная. Пришлось напрячь мышцы, чтобы эта твердь не раздавила пальцы.

Илья нехотя отпустил его руку.

Аурика, заметив короткое состязание мужчин в силе, едва заметно улыбнулась.

– Ещё раз спасибо за помощь, спасатель. Вы отлично ходите на фойле. Звоните. Идём, Илья.

Они повернулись и зашагали к главному корпусу пансионата по дорожке, устланной плитками ракушечника.

Им навстречу уже спешили служащие пансионата, молодые парни и девушки. Одна из них подошла к Денису, смотрящему, как идёт Аурика. Защемило сердце: она была потрясающе женственна и красива.

– Чем мы можем помочь вам, товарищ? – спросила совсем юная девчушка, одетая в белый, с красными вставками, унику. Скорее всего, она была форгом, функционально ориентированным организмом, то есть искусственным человеком.

Денис очнулся. Плыть по морю к своему дому отдыха на фойле расхотелось.

– Добрый день, барышня, благодарю за предложение, отправьте мой водный комплект в санаторий «Форос», Молодцову. Могу вбить счёт за операцию в мой коммуник.

– Не нужно, мы отправим ваш сёрф бесплатно.

– Спасибо. – Денис бросил ещё один взгляд на спины пары, скрывшейся за стеклянной дверью центрального выхода из пансионата, и направился вслед за ними.

В приёмном холле здравницы он подошёл к стойке администратора.

– Извините, мне нужно такси, конечный пункт – санаторий «Форос».

– Наземное, воздушное? – вежливо уточнил молодой парень, естественно, тоже форг, почти не отличимый от живого человека.

– Воздушное. – Денис поискал глазами спасённую им кейтершу, не увидел и не удержался от вопроса: – Простите за любопытство, у вас остановилась девушка по имени Аурика? Она спортсменка, катается на фойлборде... имя редкое... не подскажите фамилию?

Админ здания завис на мгновение, изобразил смущение.

– Обычно мы сведения о наших гостях не даём.

– Так я не спрашиваю, кто она и откуда, ничего личного, просто хочу узнать фамилию.

– Ветрова.

– Благодарю. – Денис вызвал в памяти номер мобильного айкома, продиктованный Аурикой. – Долго ждать такси?

– Ждать не надо, вас проводят к стоянке такси, номер гравика – 341.

Денис кивнул и, борясь с искушением немедленно позвонить спасённой, вышел из здания в ослепительно яркий день конца декабря.

* * *

В холле санатория «Форос» его ждали встревоженные друзья: отпустивший бородку «а-ля маркиз Мазох» Володя-Вовчик, любитель хорошо поесть и выпить, плотно сбитый, с животиком, бывший спортсмен-теннисист, и Сашка-библиофил, рано облысевший, но не расстающийся с косичкой, сплетённой из отросших ниже плеч волос на затылке.

Володя был моложе на шесть лет и работал фрилитом, как называли нынче фрилансеров-консультантов литературного перевода. Денис познакомился с ним пару лет назад в компании школьных приятелей в Риге и сдружился, так как у обоих были общие увлечения.

Сашка-библиофил был, наоборот, старше Дениса на двенадцать лет и работал фривэем, то есть тружеником «свободного полёта» в области составления путеводителей по литературным произведениям. Читал он не только электронные книги, но и бумажные версии, прекрасно знал классику и действительно мог порекомендовать тексты, способные затронуть душу и сердце не только искушённого читателя, но и любого, кто понимал толк в чтении.

– А мы тебя ищем по всему морю, – укоризненно пощипал бородку Володя. – Почему не сообщил, что высадился в «Южном»?

– Откуда вы знаете, что я остановился в «Южном»? – вопросом на вопрос ответил Денис, направляясь к лифту; его номер располагался на восьмом этаже.

Друзья, одетые в демократические шорт-слансы и майки, поспешили за ним.

– Узнали от службы берегового контроля, – сказал Володя. – По интеркому сообщили, что в море упал кайт, мы подумали, что это ты.

– Не я, одна очень красивая девчонка. Мне удалось довести её до санатория.

– Как? Ты не вызвал спасателей?

– Ловкость рук, и никакого мошенства, – рассмеялся Денис.

В номере он снял подсохший костюм кайтера и направился в ванную принять душ, сопровождаемый завистливыми взорами друзей; мускулистый, ни капли жира, он выглядел идеальным образцом для скульптора. Хотя специально не качался. Просто поддерживал спортивную форму.

– Ждите, я быстро.

Однако едва он встал под тугую струю воды, в дверь хозблока постучал Володя:

– Денис, твой мобил разрывается, дать?

Он почуял тонюсенький шепоток интуиции: не бери...

– Сейчас выйду.

Обмотавшись большим махровым полотенцем, выбрался из ванной, взял колечко айкома, нацепил на ухо клипсу наушника.

– Слушаю.

– Майор, Верник беспокоит, – заговорил наушник голосом командира особой группы. – Знаю, что ты в Крыму отдыхаешь, но у нас форс-мажор, возвращайся. На базе в Симферополе тебя ждёт «семьдесят первый», доставит в Плесецк. Даю на все процедуры три часа.

Денис озадаченно помассировал мочку уха.

«Семьдесят первым» служащие ВКС называли военный суперджет, способный летать со скоростью в пять «махов»⁹.

– Что случилось, товарищ полковник?

– Срочный вылет.

Денис не рискнул заметить: я в отпуске.

– Куда?

– За пределы.

– Земли?

– Солнечной системы.

Денис едва удержался, чтобы не присвистнуть.

– Это... не близко.

– Дорога каждая минута, майор, поторопись. Тебе дан зелёный коридор по нашим каналам, группа уже собирается. – Айком умолк.

Денис поскрёб макушку, застывшим взглядом упёршись в ласковое голубое небо за окном номера.

– Чо там у вас грянуло? – небрежно спросил Сашка.

– Я уезжаю, – очнулся Денис, устремляясь обратно в ванную.

Зашумела вода, отсекая голоса друзей. Но Денис к ним не прислушивался, мыслями он уже был на космодроме ВКС в Плесецке. В душе таяло сожаление, что встреча с девушкой по имени Аурика откладывается на неопределённое время.

* * *

База ВКС, где располагался центр управления группой чрезвычайных ситуаций в космосе, выросла рядом с военным космодромом, с которого уже больше ста лет стартовали российские ракетные корабли, сначала военные – с конца шестидесятых годов двадцатого столетия, потом в начале двадцать первого и гражданские.

В двадцатом веке это был, по сути, ракетный полигон, где отработывались технологии запуска баллистических ракет стратегического назначения и военные спутники. С середины двадцать первого, после ввода в строй космодрома Восточный на Амуре, Плесецк и вовсе перешёл под эгиду военно-космических сил, и отсюда в основном стартовали в космос военные аппараты, а затем, после создания НЦЭОК, начали подниматься спасательные модули и планетолёты, принимающие участие не столько в покорении межпланетных пространств, сколько в спасательных операциях разного калибра за пределами системы Земля – Луна.

Отсюда же когда-то стартовал и корабль деда Дениса – «Амур-2», чтобы достичь пронзающего Солнечную систему экзотического объекта, получившего название ККС – Космическая Китайская Стена, и спасти попавших в поле его тяготения американских астронавтов.

Дед не любил рассказывать, с чем пришлось столкнуться российским космонавтам, но Денис знал, что вслед за ними к ККС полетели китайцы, напали на российский корабль и повредили его, в результате чего «Амур» остался на суперстринге, однако подоспевший вовремя американский шаттл, руководимый женой деда Кэтрин, сумел подобраться ближе и спас экипаж «Амура».

⁹ Число Маха – отношение локальной скорости объекта к скорости звука. 1 Мах = скорости звука 330 м/с.

Через год после этого у четы Молодцовых родился сын Ерофей, а ещё через двадцать шесть лет на свет появился и сам Денис, копия деда, в том числе – и в реализации своих устремлений.

Дом для контингента аварийно-спасательной службы располагался на окраине Плесецка, в трёх километрах от космодрома, окружённый ухоженными лесами. Он был выращен по новым технологиям двадцать лет назад и представлял собой стоэтажную башню экопроекта «Зелёный комфорт». От жилых комплексов проекта «Зелёный Арктик», в одном из которых в Мурманске жил старший Молодцов, он отличался только высотой и количеством квартир; северные здания были намного ниже.

Жилые модули комплекса казались издали прозрачными ракушками, наклепанными на центральную колонну башни с лифтами и системами безопасности. Каждая «ракушка» была опоясана оранжереей, внутри которой прятались жилые модули с количеством комнат от двух до пяти. Денису, как офицеру ВКС, досталась одноуровневая трёхкомнатная квартира-эспланада, и его это вполне устраивало. О том, где он будет жить в будущем, мысли молодого человека не беспокоили. Он был уверен, что о таких вещах должны беспокоиться соответствующие службы ВКС.

Суперджет «Су-71», в просторечии – «семьдесят первый», принадлежащий крымскому филиалу ВКС, доставил майора в Плесецк за сорок минут. На аэродроме Дениса встретил начальник службы подготовки полковник Лигостов, и Денис наконец узнал причину отъезда из отпуска.

– История повторяется, – пробормотал он, подумав, что точно так же начинался когда-то спасательный рейд деда – отъездом из отпуска.

– Что? – не понял его худощавый, жилистый, с внимательными карими глазами, полковник.

– Это я не вам. Вы думаете, к нам возвращается ККС?

– Что, простите? – Оба сели в штатный мобил, перевозящий сотрудников базы.

– Эту суперструну когда-то назвали Космической Китайской Стеной.

– А-а... нет, учёные полагают, что вероятнее всего к нам летит новая суперструна. Спешно собирается экспедиция в район Койпера, где её засекали.

– Но зачем понадобилась моя группа? Надо кого-то спасти?

– Ваша группа признана наиболее опытным подразделением из всех наших действующих групп. Кроме вас полетит группа научных экспертов, всего, вместе с экипажем корабля, одиннадцать человек.

– Что за машина? «Ангара»? «Амур»? Или последняя модификация эгран-фрегата?¹⁰

– Даже машины с эграном не летают со скоростью, которая нам нужна. Это новый корабль, оборудованный «крякгеном». Теория разработана давно, до практической реализации добрались только что.

Денис кивнул. Теорию «кряканья» – создания искусственных «трещин» в вакууме – он изучал в Академии лет пять назад, однако не предполагал, что она будет воплощена в металле.

– Отлично! Кто капитан?

– Познакомишься на базе. Сегодня соберёшь группу, отберёшь двоих, вся группа не полетит, и объяснишь цель миссии. Хорошо бы ещё успеть слетать к Денису Андреевичу, проконсультироваться.

– К кому? – удивился Денис.

– К твоему деду, – усмехнулся Лигостов. – Он расскажет, как полста лет назад летал к Космической Стене и что видел.

¹⁰ Эгран – электрогравитационный генератор Леонова.

– Ладно, слетаю, – сказал Денис, обрадованный в душе, что встретится с дедом. В последние пару лет виделись они нечасто.

Новые транспортные технологии, появившиеся в середине двадцать первого века, к примеру – антигравитационные двигатели, не привели к кардинальному изменению личной перемещательной среды. Люди продолжали пользоваться и самолётами, и колёсным транспортом, и метро на магнитной подвеске. Если антигравы легко вписались в рамки общественных коммуникаций, потеснив, а потом и вовсе отменив аппараты с крыльями и ракетную тягу, то персональные антигравы не получили широкого распространения по причине массового отказа людей летать «как птицы»: вестибулярный аппарат человека и его психика не переносила полёты «на метле» – то есть без видимых приспособлений.

Персональными антигравитами, небольшими дисками на ремнях, описанными ещё в середине двадцатого века писателем Колпаковым, пользовались в основном сотрудники спецслужб да космические спасатели. У Дениса был такой дома, но из аэропорта он летел к себе на обычном аэротакси.

Домовой встретил хозяина с интонациями старого мажордома:

– Рад вашему возвращению, сударь. Отдых удался?

– Хорошо, но мало. – Денис проследовал в спальню, на ходу снимая гражданский уник, превращавший его в модного натурала, как называли в нынешней молодёжной среде любителей спортивного образа жизни, в отличие от виртуалов – людей с изменённой психикой, годами просиживающих в компьютерном пространстве и потому не обращающих на свой внешний вид никакого внимания. Эти люди редко выходили в свет, знали друг друга по никам и выдуманным типажам, и год от года их количество росло, грозя превысить порог пассионарности, равный половине активного населения России. Да и всех стран мира. Перейдя за эту черту, человечество с гарантией падало в яму деградации.

В комнатах было чисто, благодаря «одуванчикам» – собирателям пыли, за которыми следил компьютер обслуживания умного дома, называемый домовым. Денис, когда переехал в эту квартиру из Мурманска, дал ему имя Дружок, и домовый охотно откликался на него, подключённый к сети таких же домовых служителей города. Он был подключён также и к Интернету, и Денис однажды узнал, что согласно отчёту Счётной палаты количество подсоединённых ко Всемирной сети устройств вчетверо превышает население планеты. Поэтому не стоило удивляться, что сервисная система нынешних жилых кластеров не только делала повседневную жизнь людей более безопасной и комфортной, но и знала буквально все новости, распространяемые по Сети.

Голос Дружка догнал Дениса в спальне:

– Сударь, вы знаете, что в Солнечную систему летит Бич Божий?

– Уже знаю, – ответил Денис, оставаясь в плавках и выбирая комплект формы, чтобы переодеться после душа. – Что ещё интересного творится на свете?

– Президент полностью заменил либеральное правительство на технократическое. Нас ждут блестящие перспективы.

– Это радует. – Денис встал под душ. – Надеюсь, машины, роботы, киборги и компьютеры ещё не заменили живых чиновников?

– Не заменили, сударь. – С юмором у домового была напряжёнка. – Машины заменили низкоквалифицированный физический труд, компьютеры – связанный с обработкой больших массивов информации. Но на очереди применение нейросетей для консультативного и экспертного совета. Надеюсь, ко мне как к полезной машине претензий нет?

– Успокойся, – невольно улыбнулся Денис, вспоминая известную шутку телеведущего: я мыслю, значит, существую, а вот обратное не факт. – Ты молодец. Что ещё крутится в новостях?

– На орбиту вокруг Венеры вывели второй отель на триста отдыхающих, в форме пирамиды.

– Кто вывел?

– Египтяне.

– Надо же, – сплюнул воду, попавшую в рот, Денис. – Уже и потомки фараонов запускают свои космоотели. Но это неплохая новость.

– Есть и похуже.

– Давай.

– Исчезло больше восьмидесяти процентов лесов Амазонии, из-за чего вымерло больше половины птиц Южной Америки. ООН объявило мораторий на вырубку лесов, но вряд ли это спасёт биосферу.

– Да, это неприятно, – согласился Денис. – Хорошо хоть у нашей власти хватило ума спасти сибирские леса и тундру.

– Решается вопрос полной замены мяса на искусственный продукт и отмены технологий забоя животных.

– К этому давно идёт цивилизация. Главное – не потерять генетику, уже и так идут споры, насколько человек остаётся человеком, питаюсь искусственными продуктами.

– Не понял вас.

– Искусственная пища влияет на геном человека, из-за этого лет двадцать назад запретили ГМО: начали массово плодиться монстры.

– Ещё саудиты достроили свой знаменитый «Джидда глоб».

Денис пожал плечами. Речь шла о самой высокой башне, построенной в Саудовской Аравии. Её высота достигала ста километров, и верхушка башни, по сути, выходила в ближний космос.

Соревнование небоскрёбов началось ещё в двадцатые годы двадцать первого века, и теперь по всей планете высились башни, одна другой больше и вычурней: в Китае, Таиланде, Индии, Египте, Бразилии и в странах Ближнего Востока.

Домовой не дождался реакции хозяина и философски заметил:

– Каждый сходит с ума по-своему.

Денис засмеялся, вылезая из душевой кабины:

– Это уж точно.

Он вытерся насухо, разглядывая себя в пластине зеркальной стены, скривил губы. Интересно, нравится Аурике такой чересчур мускулистый мачо? Да и профиль, прямо скажем, не греческий. Но ведь она не отказалась встретиться? Может, взять и позвонить, объяснить ситуацию, чтобы не обиделась?

В гостиной раздался приглушённый звон.

– Сударь, ваш айком, – сказал Дружок.

– Иду. – Денис оделся и вышел из бытового блока.

Звонил полковник Верник, замначальника Центра экстремального оперирования:

– Майор, обстоятельства изменились, тебе надо быть на базе через час.

– Я готов, – бодро отрапортовал Денис, собравшийся часок поваляться на диване.

– Ждём. – Верник всегда был весьма лаконичен и при этом исключительно убедителен.

– Ну вот, – вслух проговорил Денис, – недолго музыка играла.

– Я не включал музыку, – возразил домовый.

– Это я не тебе. Приготовь кофе и вызови штатный мобил, через полчаса я убываю.

– Слушаюсь, хозяин.

Позвоню Аурике позже, решил Денис.

* * *

На базу он заявился ровно в пять часов вечера, когда уже стемнело.

Если базы ВКС и погранслужбы России за Полярным кругом строили в форме «Арктического трилистника», то плесецкий комплекс сооружений базы экстремального оперирования напоминал гигантскую ветвь папоротника – если посмотреть сверху. Всего эта ветвь имела одиннадцать листочков – модулей разного назначения.

Команда Дениса – два асс-сержанта, два лейтенанта и капитан, ждала командира у входа в штабной модуль-листочек – двухэтажный, длиной около ста метров. На первом этаже здания располагались ворком-кабинеты разного рода руководителей, на втором – центральный зал контроля и связи, мало в чём уступающий главному терминалу Центра управления полётами ВКС.

Все пятеро вытянулись по стойке «смирно», даже балагур и весельчак Стёпа Костин, и Денис, небрежно козырнув, скомандовал «вольно».

Его обступили, закидали вопросами, но он остановил подчинённых стальным голосом:

– Отставить базар, спасатели! Знаю столько же, сколько и вы. Сейчас всё выясним подробно. За мной!

Они гурьбой вошли в небольшой холл штаба, одетые в универсальные костюмы военного образца, отличающиеся от гражданских униформ только строгостью формы, отсутствием украшений и цветом; служащие ВКС носили тёмно-синие костюмы с чёрными вставками. Знаками различия на витых погончиках фиолетового цвета, окаймлённых золотыми нитями, по-прежнему были золотые пятиконечные звёздочки.

В холле толпился разный народ.

К Денису, возглавившему свой отряд, подошёл громадный, широкий, мощный генерал Стогов, вопреки традиции носивший уник серо-серебристого цвета, без погон и звёзд. Протянул громадную длань:

– Добрый вечер, майор. Есть смысл объяснять важность отзыва?

– Никак нет, товарищ генерал.

– Отлично. – Стогов оглянулся на свою свиту, поманил кого-то пальцем. – Хочу познакомиться тебя с капитаном корабля «Енисей», на котором вы отправитесь к поясу Койпера. Полковник, прошу вас.

Верник подвёл к генералу красивую девушку в форме полёт-капитана первого класса, с короной волос цвета золотистой корицы. И Денис, млея, узнал спасённую им в Крыму кайтершу.

– Вы?!

Аурика улыбнулась, подала руку.

– Мир тесен, товарищ Молодцов?

– Я... не предполагал... – Он осторожно пожал пальцы женщины, не рискуя поцеловать их под взглядами мужчин.

– Я тоже не знала, кто вы.

– Я собирался звонить...

– Я тоже. – Она не удержалась от улыбки.

– Предложение остаётся в силе?

– После возвращения, если вы не против.

– Ни в коем случае! – Денис заметил, что продолжает держать руку Аурики в своей, и поспешил отпустить.

Стогов, переводивший взгляд с одного на другую, хмыкнул.

– Вы знакомы?

– Он меня спас, товарищ генерал. Я сделала неудачный манёвр и уронила в воду парафойл, майор помог мне добраться до берега.

– Они катаются на сёрфах с подводным крылом и воздушным змеем, – уточнил Верник меланхолично. За его спиной вырос глыбистый спутник Аурики, которого она назвала Ильёй, глянул на Дениса исподлобья.

– Нарушая при этом все правила, – добавил Верник.

– Майор владеет фойлбордом профессионально, – заступилась за Дениса Аурика. – Это я любитель.

– Что ж, хорошее начало для успешного выполнения миссии, – иронически проворчал Стогов. – Идёмте, товарищи.

Все направились к лестнице на второй этаж.

Аурика кивнула Денису и присоединилась вместе с Ильёй к компании генерала. Погоны на плечах её спутника утверждали, что он является капитаном ВКС первого космокласса.

Лейтенант Костин нагнулся к уху Дениса:

– А ничего себе капитанша, товарищ майор! Познакомите?

Денис молча показал ему кулак.

Иллюстрация 4

«Ниагара» была совершенна и красива. На фоне стартовых вышек полувековой давности, ангаров космодрома «Бока Чика», некогда принадлежащего компании SpaceX, корабль выглядел просто потрясающе – как крейсер из фильма «Звёздные войны», и министр космических сил США Рональд Штуцер невольно остановился в сотне метров от него, замороженный видимой воинственной мощью гиганта: длина этого многосложного «утюга» достигала двухсот тридцати метров, высота – восемьдесят четыре.

– Нравится? – спросил стоящий рядом в мундире со всеми регалиями директор НАСА Уильям Берджесс.

– Впечатляет, – подтвердил Штуцер.

– У него очень продуманный дизайн.

– Мне кажется, много лишних деталей, нет?

– Это необходимые функциональные детали – антенны, эффекторы, шлюзы и прочее.

Интерьер внутри командного поста вообще достоин высших похвал. Хотите посмотреть?

Штуцер заколебался. Он не был по натуре ни дизайнером, ни эстетом, ни ценителем искусства и не испытывал особого желания любоваться геометрическим совершенством изделия, пусть и весьма необычным. Но сделал над собой усилие и сдался.

– Показывайте.

Подъёмник доставил их к незаметному со стороны люку в кормовой части корабля, напоминающей очертаниями бак парусного фрегата времён владычества Великобритании на морях Земли.

Экипаж «Ниагары» уже занял свои места в рубке управления, и делегацию встретил лишь сервис-кибер, контролирующий работу периферийной автоматики. Он был похож на механическую мартышку размером с дога и произвёл на Штуцера не слишком приятное впечатление. Министр с детства не любил обезьян.

– Лифт? – оглянулся проводник.

– Пройдёмся, – грубовато проворчал министр.

Углубились в коридор, напоминавший членистую кишку диаметром в два метра, освещённую кольцами люминесцентов, идущих друг за другом с шагом в один метр. Включилась бегущая дорожка, вынесла гостей к центральному, особо защищённому ядру корабля, в котором умещались каюты жилого сектора, пост управления, сектор обслуживания и системы связи.

Здесь уже не было люков, через которые надо было протискиваться, согнувшись в три погибели. С виду это были стандартные двери овальной формы, рассчитанные на любого, в том числе и крупногабаритного человека, хотя на самом деле они представляли собой целые защитные комплексы, способные раздвигаться за доли секунды и выдерживающие выстрел из плазмера.

Штуцер вошёл в рубку первым и остановился.

Конечно, он был знаком с внутренними интерьерами военных и специальных бортов, имеющих на балансе министерства космических сил, однако внутри новейшего корабля, использующего совсем иные, по сравнению со стандартными создателями реактивной тяги, двигатели, находился впервые.

Централь управления «Ниагары», называемая астронавтами компостом, имела форму кольца диаметром восемнадцать метров и высотой четыре, обнимавшим осевую колонну информационного обеспечения, составленную из тысяч тонких светящихся трубок и похожую на ствол дерева, утыкавшийся в световой щит на потолке. К этой колонне, мерцающей, как вычурный светильник, подстыковывались через чешуйчатые патрубки не кресла, а настоящие саркофаги с прозрачными крышками, на бортах которых светились голубые и зелёные окошки контроля и лючки манипуляторов. В них и должны были находиться члены экипажа во время полёта и маневрирования.

Всего саркофагов, напоминающих реанимационные камеры (астронавты называли их «носиками»¹¹), было семь. Их крышки в настоящий момент были подняты, и возле каждого «носика» стояли астронавты – пятеро, одетые в «кокосы» (компенсационные костюмы), и пассажиры – двое (тоже в «кокосах», но оранжевого цвета). Это были эксперты из института стратегической физики министерства обороны США, которые должны были разобраться в тайнах Бича Божьего.

Один из астронавтов, крупного сложения афроамериканец, но с волосами соломенного цвета, с витыми погонами спейс-командера первого класса, шагнул вперёд, держась с небрежной грацией космена, не раз бывавшего в космосе. На него было приятно смотреть.

– Сэр, спейсшип номер ноль один готов...

– Вольно, капитан, – остановил его министр, изобразив на гладком румянном лице нечто вроде отеческой улыбки. – Как самочувствие?

– Прекрасно, сэр!

– Отлично, капитан. Я гляжу, вы уже освоились. Не бойтесь какого-нибудь форс-мажора? Всё-таки это первый ваш полёт на таком аппарате?

– Никак нет, сэр! «Ниагара» – отличный корабль! Мы доберёмся на нём до Бича Божьего за пару минут.

– Ну, не стоит так торопиться, – усмехнулся директор НАСА. – За вами никто не гонится. Главное – выполнить задание командования и вернуться с победой. Действовать чётко и по инструкции.

– Слушаюсь, сэр!

– На всякий случай зарегистрируйте объект как собственность Штатов, – сказал Штуцер голосом федерального судьи. – Если убедитесь в его полезности. Впрочем, – он пожевал губами, – зарегистрируйте в любом случае.

– Будет исполнено, господин спейс-генерал!

– Желаю удачи.

Через несколько минут министр и группа сопровождающих его лиц спустились на поле космодрома, и их отвезли в бункер центра управления инфраструктурой космодрома. Министр устроился в кресле инспектора безопасности полётов, рядом с креслом начальника центра, поблагодарил кивком за принесённый стаканчик американо и стал ждать старта.

В принципе, меры безопасности были излишними, космические корабли давно не взрывались при старте, перестав использовать жидкостные реактивные двигатели, но порядок сотрудники космодрома соблюдали неукоснительно вот уже шестьдесят лет.

Наконец наступил ответственный момент.

¹¹ От *англ.* слова *poasea* – тошнота.

- Разрешите старт, сэр? – корректно обратился к министру директор НАСА.
- Выпускайте птичку, – благожелательно кивнул Штуцер.
- Напутственное слово?
- Я уже всё сказал.
- Отсчёт! – скомандовал начальник космодрома.

В зале раздались звуки метронома.

На десятой секунде «Ниагара» без шума, огня и грохота начала плавно подниматься в небо.

- Что так... осторожно? – поднял брови Штуцер.

– Они идут на эране, – подобострастно склонился к министру директор НАСА. – Крякген включится, когда корабль выйдет за пределы атмосферы. Во избежание, так сказать, непредвиденных сюрпризов.

- Его заметят.
- Разумеется, наши партнёры и союзники...
- И русские.

– Так же, как и мы знаем о запуске их кораблей. К сожалению, в наше время невозможно скрыть что-либо от кого бы то ни было. Но мы объявили об испытаниях нового прогулочного космического лайнера, а вот русские, по данным разведки, вовсю испытывают свой крейсер с крякгеном, не уведомляя об этом ООН и военные комиссии.

Штуцер помолчал. Он точно знал, что в недрах американских военных лабораторий запрятаны многие разработки, способные послужить настоящим «бичом божьим» и уничтожить человечество, о которых никто и нигде не говорит вслух.

Вслед за величественно всплывающей «Ниагарой» (а ведь хорошо придумали – обычный прогулочный лайнер, идут испытания; знал бы кто, что имеет на борту этот «лайнер»!) воробьями вспорхнули два корвета сопровождения, похожие, опять-таки, на истребители из культового фильма «Звёздные войны». Примерно на таких летали в космосе служители Империи. Фантазия создателей фильма удивительным образом воплощалась в реальности даже в деталях, хотя никто из руководителей США, в том числе и министр космических сил, об этом не задумывался.

Корабль растаял в сияющем декабрьском небе как призрак.

Система визуального контроля ЦУПа переключилась на передачу с борта одного из корветов. «Ниагара» стала видна во всей своей красе на фоне удаляющейся Земли, окружённой роем искр и огоньков спутников. Левее и ниже проявился серебряный шар Луны.

Корабль начал разгон.

Поскольку он вышел за пределы атмосферы, никаких особых эффектов при этом видно не было, просто гигант буквально за несколько секунд превратился в пылинку и исчез.

Подождав минуту, Штуцер посмотрел на руководителей полёта.

- Это всё?

– Можем следить и дальше, – торопливо сказал директор НАСА, – однако он перейдёт на «трещину» не раньше, чем пересечёт орбиту Луны. Здесь слишком много летающей техники. Будете ждать?

Министр помолчал, разглядывая сверкающий огнями экран.

– Пожалуй, подожду. Будет видно, как он ускорится на кряк... э-э... генераторе?
– Работа генератора не связана с ускорением, сэр, крякген создаёт тоннель в пространстве, так сказать, своеобразную трещину...

- Будет видно?

– Нет, к сожалению.

– В таком случае жду сообщений о полёте. – Министр решительно встал и направился к выходу из ЦУПа.

* * *

Первый индийский космодром Шрихарикота был построен на одноимённом острове в Бенгальском заливе Индийского океана ещё в конце двадцатого века. Он успешно запускал ракеты и выводил на орбиту вокруг Земли спутники в течение полувека, пока не был построен ещё один космодром, на юге штата Андхра-Прадеш, там же, где все эти годы располагался космический центр Сатиша Дхавана, имеющий в наличии пусковой комплекс центрального Агентства космических исследований Индийской Республики.

К этому времени индийский космический флот располагал десятком кораблей разных классов, а когда появились эгранны – электрогравитационные двигатели Леонова – обзавёлся ещё полусотней аппаратов, способных легко выводить на орбиту спутники и вообще бороздить Солнечную систему во всех направлениях.

Благодаря кооперации с Россией, Индия начала строить не только военные корабли, но и космические яхты, и орбитальные отели, и даже создала свой лайнер для путешествий внутри Солнечной системы, вмещавший до тысячи пассажиров.

Разработали индийские конструкторы и свой первый стаск-двигатель, позаботившись о том, чтобы работа над ним велась в строжайшей тайне. К моменту появления у границ Солнечной системы Бича Божьего корабль с крякгеном был уже готов к ходовым испытаниям, и руководство Агентства космических исследований сочло возможным в качестве таковых направить созданный корабль к поясу Койпера. Имя он получил знаковое – «Ганг»¹².

Двадцать девятого декабря в центре Сатиша Дхавана состоялось заседание Государственного совета по космическим делам, председательствовал на котором заместитель военного министра генерал Рамакришна. Говорили больше о возможных препятствиях на пути к Койперу, нежели о Биче Божьем, который пока что казался чем-то вроде мифического инструмента предсказаний лживых астрологов о скором конце света. Тем не менее учёные мужи из Академии наук и Агентства исследований доказали военным реальность угрозы, и те после непродолжительных споров согласились на снабжение экспедиции оружием. Хотя никто из них не верил в какие-то не менее мифические контакты с инопланетянами. После чего похожий на лемура с коричневым морщинистым лицом в обрамлении седых волос Рамакришна объявил волю президента: лететь!

Тридцатого декабря «Ганг», похожий на тушу кита и на старинный ледокол одновременно, геометрически зализанный по законам преодоления не только безвоздушных пространств, но и агрессивных сред, стартовал с космодрома Андхра, сопровождаемый эскортом из десятка малых катеров. Индийские средства массовой информации объявили об испытаниях «космического круизного лайнера за орбитой Марса», и таким образом цель миссии «Ганга» осталась для общественности скрытой.

На борту корабля находился экипаж в составе пяти опытных астронавтов и группа учёных, на которых возложили обязанность дать ответ о величине угрозы для человеческой цивилизации и можно ли использовать Бич Божий для нужд Индии.

Командовал кораблём и экспедицией тридцатитрёхлетний майор военно-космических сил Индии Рамвилас Сингх.

¹² Ганг – одна из самых длинных в мире (2700 км) рек Южной Азии, протекающая по территории Индии.

* * *

К концу двадцать первого века Китай имел десять космодромов, один из которых располагался на искусственно насыпанном мысу острова Хайнань в двадцати километрах от береговой материковой линии, в Тонкинском заливе.

Три из них – Цзююань, Сичан и Тайюань давно стали космопортами и принимали до сотни аэробусов, катеров и космических судов в день, в основном – гражданского назначения. Кроме них два из десяти числились как сугубо грузовые, четыре – как военные и один – как испытательный полигон. Им и был космодром на острове Хайнань, служащий для анализа работы секретных аппаратов и запуска новейших судов и модулей, обеспечивающих креативность китайских технологий.

Именно отсюда тридцатого декабря должен был стартовать новейший корабль, созданный по технологии «стеллс», с генератором хода, который во всём мире начали называть кряк-генем. По-китайски же этот генератор звучал как лифенг.

Провожать корабль, получивший от создателей название «Янгуанг Шангуо», что означало – «Солнце Китая», собрались не только военные из китайских ВКС, но и высшие чиновники Поднебесной, эксперты и советники Кормчего. Главным из них являлся личный представитель президента Пинь Сицзин.

Космодром Хайнань представлял собой комплекс сооружений, сгруппированных вокруг центрального стартового поля диаметром в два километра, покрытого высокопрочными керамическими плитами. А так как он предназначался для рискованных экспериментов с летающей космотехникой, все здания вокруг строились как хорошо защищённые купола высотой от десяти до двадцати метров. В одном из куполов находился центр управления полётами, зал контроля которого был упрятан под землю на глубину более тридцати метров, что позволяло ему не бояться даже атомных взрывов.

Полюбовавшись на корабль, стоящий в центре поля, со смотровой площадки ЦУПа, Пинь Сицзин спустился со своей немалой свитой в зал и так же, как его коллеги в Индии и Америке, занял кресло инспектирующего рядом с местом руководителя полётов перед огромным десятиметровым экраном.

В отличие от кораблей, создаваемых в Соединённых Штатах, в Индии и Европе, новый корабль Китая походил на оплывшую к корме тройную ракету времён начала космоплавания высотой в сто пятьдесят метров. У него даже треугольные крылышки были, похожие на стабилизаторы, на всех трёх корпусах, хотя эти «стабилизаторы» на самом деле являлись антеннами разного рода генераторов и устройств. Кроме этих «крылышек» корабль был обвешан сотней выступов и видимых деталей и смотрелся внушительно, как стратегическая ракета с ядерной начинкой.

Впрочем, ни китайских конструкторов, ни руководителей космических служб Китая это не беспокоило. Главным для них было, чтобы этот аппарат летал в космосе с немислимой прежде скоростью и мог постоять за себя.

В центральном экране появилось отдельное окно, озарилось синеватым светом, и внутри него возникло лицо тайконавта, сидевшего в кресле, в защитном скафандре, но без шлема. Это был капитан корабля шанся¹³ Гочжу Юйдаи.

– Господин Пинь, космический крейсер «Янгуанг Шангуо» к полёту готов! – затараторил он. – Разрешите от имени экипажа заверить родную партию, родное правительство и лично президента в нашей непоколебимой преданности делу Поднебесной и её народа! Мы выполним задание, чего бы нам это ни стоило!

¹³ Полковник (китайск).

– Верю, полковник, – кивнул Пинь Сицзин; у него было благодушное доброе лицо воспитателя детского сада, и он был очень похож на нынешнего президента Китая. – Докладывайте о любых препятствиях на пути нашего «Солнца», мы постараемся помочь.

Лицо капитана корабля не дрогнуло, хотя он наверняка подумал, что прийти на помощь коллеги не смогут, тем более – за миллиарды километров от Земли.

– Будем стараться, генерал!

Куратор старта повернул голову к начальнику полётов:

– Начинайте, генерал Ку.

По залу пронёсся ветерок лихорадочного возбуждения, заставляя операторов запуска взглянуться в приборные панели.

Окошко внутри экрана с капитаном исчезло.

Над космодромом взвыла сирена.

Пузатая «ракета» «Янгуанга Шангуо» беззвучно пошла в небо, словно это был надутый гелием шарик в форме корабля. В данный момент тягу создавал эгран космолёта, который не производил ни огня, ни грохота.

Вслед поднялись в воздух и корветы сопровождения, похожие издали на бескрылых птиц.

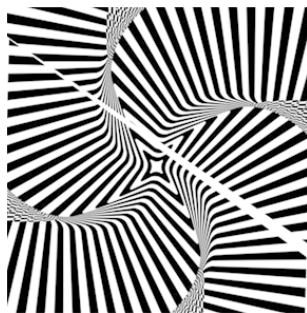
Через минуту корабль скрылся в ночном небе, свободном от облаков благодаря работе климатических корректоров.

Пинь Сицзин выкарабкался из кресла.

– Надеюсь, они справятся.

– Должны, господин Пинь! – торопливо сказал начальник космодрома.

Иллюстрация 5

Космодром Плесецка, обслуживающий большинство военных космических линий России, ни в чём не уступал аналогичным сооружениям других стран. А по воздушно-космической обороне превосходил даже знаменитые американские Канаверал и Бока Чика, так как был прикрыт зенитно-космическими комплексами «С-2000», способными сбивать любые ракеты и аппараты на любых скоростях вплоть до орбиты Луны. Однако никаких заведений для приятного времяпрепровождения экипажей космических челноков и военных судов он не имел. Для отдыха надо было добираться до Плесецка, где имелось всё необходимое для вернувшихся с космических вахт. И хотя транспортное сообщение космодрома с городом было великолепное и путь от ЦУПа до любого отеля не превышал шести-семи минут, Денис долго мучился, решая, не пригласить ли Аурику в ближайший ресторан. Но так и не решился на это. Тем более что Верник перед отлётом приказал ему слетать в Мурманск к деду и разузнать подробности контакта старшего Молодцова с Космической Китайской Стеной.

Скрепя сердце Денис отказался от намерения, взял с собой капитана Толю Тихонова, своего зама и помощника по работе в космосе, и полетел с ним в Мурманск, воспользовавшись «зелёным коридором», который ему предоставило командование. В распоряжение майора дали тот же военный суперджет «семьдесят первый», на котором он летел из Крыма с Плесецк, и уже через час после вылета он выходил из штатного мобила МЧС на окраине Мурманска, у здания «Зелёный Арктик», в котором жил дед.

Были опасения, что самый старший Молодцов ещё не прилетел из Техаса, где довольно часто гостил с супругой Кэтрин, бабушкой Дениса. Но майор попросил информационную службу ВКС негласно найти местонахождение бывшего спасателя, и ему сообщили, что Денис Андреевич Молодцов находится на родине.

Оставили антиграв на парковке возле дома, двинулись к двухэтажному стилобату здания, возносящегося на высоту более ста метров. Пользуясь тем, что компьютер умного дома знал гостя в лицо и открыл дверь, не спрашивая, к кому он идёт, так как Денис не раз навещал деда, предупредить хозяина четырёхкомнатного жилого модуля не стали, поднялись на семнадцатый этаж.

Денис прервал спутника, делившегося впечатлениями от путешествия по Антарктиде, на треть освободившейся от льдов, приблизил лицо к двери, когда они вышли из галереи с лифтами.

– Открывай, Хаски.

Неизвестно, чем руководствовался старший Молодцов, называя домового Хаски, но к этому имени привыкли.

Дверь открылась. Гости вошли. Навстречу им из гостиной вышел седой крепкий старикан, одетый в зеленоватый узорчатый узбекский халат. Брови хозяина полезли на лоб.

– Боже ты мой! Денис! Вот уж не ждал.

Они обнялись.

Тихонов с любопытством понаблюдал за родственниками, покачал головой:

– Каждый раз поражаюсь, насколько вы похожи! За версту узнать можно.

– Каждый раз мы узнаём себя в наших детях и внуках, – хмыкнул старик, – но уже поздно об этом сожалеть.

Денис рассмеялся. Он любил шутливую манеру деда разговаривать.

– Уверен, ты не жалеешь, что я на тебя похож.

– Мог бы выбрать другую профессию.

– У меня был хороший пример.

Старший Молодцов отстранил младшего, посмотрел на капитана.

– По-моему, мы встречались.

– Год назад. Анатолий, можно просто Толя.

Они пожали друг другу руки.

– Проходите, я переоденусь.

Гости сняли обувь, прошли в просторную гостиную, по стенам которой были развешаны витейры – объёмные фотографии мест, посещённых Денисом Андреевичем. Это были в основном пейзажи, хотя изредка на фоне природы можно было увидеть и красивую молодую женщину – Кэтрин Бьюти-Джонс, жену хозяина квартиры.

Он появился через минуту, поменяв халат на домашний уник, напоминающий старинный охотничий костюм.

– Я здесь один, Катя прилетит послезавтра, поэтому угостить могу только чаем или кофе. Есть молдавское вино.

– Кофе, – сказал Денис, опускаясь на косматый белый диван, который он помнил ещё с юного возраста. – Вино побереги для другого случая. Ты мой вкус знаешь.

– С малескитом и лунлаймом.

– Чай, – сказал Анатолий, осторожно приманиваясь рядом, разглядывая «окна» витейров. – С чабрецом, если можно.

– Хаски.

– Понял, хозяин, – с достоинством ответил домовый.

– Вы были на Меркурии? – кивнул капитан на один из снимков, показывающих купол солнца с протуберанцами над горизонтом планеты.

– Где я только не был, – махнул рукой Денис Андреевич. – Разве что внутри самого Солнца. Да ещё, пожалуй, в поясе Койпера, откуда выперся Бич Божий.

– Вы уже знаете?

– Об этом все соцсети гудят.

– Мы как раз по данному поводу и заявили, – признался Денис. – Готовится экспедиция в Койпер, и, скорее всего, полетит моя группа. Ну и я, само собой.

Лицо старшего Молодцова осталось задумчиво-рассеянным.

– Я почему-то не сомневался в этом.

– История, как известно, периодически повторяется.

– История повторяется трижды, – проворчал старик. – Один раз как трагедия, и ещё пару раз – для тупых.

Тихонов фыркнул:

– Очень оптимистично, Денис Андреевич.

Денис снова засмеялся:

– Бывший спасатель знает, что говорит.

– Бывшими спасатели не бывают.

– Согласен.

В комнату бесшумно влетели два киб-антиграва, выглядевшие как ожившие тарелки с манипуляторами, расставили по столу кофейные и чайный приборы. Кибам было лет за пятнадцать, аппараты таких конфигураций давно не выпускали, Денис помнил их ещё с юности, но старший Молодцов не менял их принципиально. Хотя ретроградом себя не считал.

Начали смаковать напитки.

– Не хватает шоколада, – сказал Денис. – Бабушка обожает горький.

– Нету, внучек, доставкой я ещё не успел озаботиться.

– У меня знакомая – известный шоколатье, – сказал Анатолий. – Хотите, позвоню, нам пришлют.

– Нет времени.

Посидели с минуту.

– Хороший чай, – со знанием дела проговорил Анатолий: его родители жили в Абхазии и выращивали чай не менее качественный, чем индийские или китайские чаеводы. – Стимулирует не хуже электрического тока.

Денис Андреевич посмотрел на него с интересом:

– Ты стимулируешь себя электрическим током?

– Он непробиваем, как изолятор, – ухмыльнулся Денис. – Из всей моей команды Толя единственный, кто выдерживает до миллиона вольт.

– Да ладно. Что значит – выдерживает? Вас пытаются напряжением? Или вы сами прикалываетесь?

– Токовые испытания входят в программу подготовки космических спасателей. Очень часто приходится сталкиваться с коронным электричеством в условиях утечек в космосе. А вас разве не тренировали на сопротивляемость?

– Нас – нет.

– Не повезло, – засмеялся Денис. – Хотя приятного в этих тренингах, надо признаться, мало.

– Ладно, слушаю вас. Что вы хотите узнать от меня?

– Во-первых, что такое Бич Божий.

– С Бичом я не встречался.

– Ну, что такое Китайская Стена.

– Вам не дали всей информации?

– Просмотрели все сохранившиеся записи, но так и не поняли, что это за объект. Учёные общаются на своём тарабарском языке, им всё понятно. Утверждают, что Космическая Китайская Стена и Бич Божий – одно и то же.

– Тогда я вас огорчу, я тоже не знаю.

– Но ведь ты летал к этой штуковине.

– Прошу отнестись к «этой штуковине» со всей серьёзностью. Нам едва удалось избежать падения на неё. Массой она обладает большей, чем Земля, так что сила гравитации запросто может сыграть с вами злую шутку.

– Вы летали на первых эгронах, нынче их тяга намного больше. Да и основной движок – не жидкостный ракетный двигатель, нечто невероятное по словам создателей.

– Ну, если есть время, слушайте. Стена, естественно, стеной не является. Это такая длинная макаронина диаметром с атом и длиной с диаметр Марса, на которую налипла масса всякой пыли и грязи.

– Мы видели снимки.

– Вы видели записи, а мы чувствовали воздействие Стены на своей шкуре, как говорится. Мало того что эта макаронина притягивает любой объект не слабее планеты, так ещё вблизи неё проявляются странные эффекты.

– Нелинейная гравитация, – сказал Тихонов.

Денис Андреевич посмотрел на него, прищурясь:

– Так вы всё знаете, чего мне языком чесать.

– Извините, – сконфузился капитан.

– Что вы успели разглядеть? – поспешил на выручку помощника Денис. – Чего нет в записях?

Старик допил свой кофе, проследил, как кибы уносят чашки и блюда.

– Жаль, что у нас не было возможности сопровождать Стену, она летела слишком быстро для наших машин. Что успели, то и записали. Но это очень необычный объект, со всех точек зрения, поверьте мне. Для учёных – как подтверждение их теоретических построений, хотя никто из физиков так и не смог объяснить, почему кольцевые суперструны, или суперстринги, как их называют чаще, начали разворачиваться во время инфляционного расширения Вселенной, превращаясь в длинные сверхмассивные нити. Для коммуникаторов – как возможная база для контакта с инопланетными исследователями струн. Для практиков, особенно военных, как кладбище.

– Как что? – удивился Анатолий.

– Кладбище погибших кораблей. Старые романы наших классиков не читаете? В двадцатом веке жил такой писатель – Александр Беляев, написавший роман «Остров погибших кораблей». Он имел в виду парусные суда, заплывшие в Саргассово море и оставшиеся там навечно. Но аналогия прямая. Стена путешествовала в космосе тринадцать с лишним миллиардов лет и пролетела через множество галактик, обитатели которых наверняка попытались изучить сей феномен. Их корабли могли не справиться с силой тяготения струны и разбиться. К тому же струна могла при той скорости разнести вдрабадан не одну попавшуюся на пути планету, обломки которой тоже осели на макаронину. Мы в своё время спаслись чудом, объединив усилия двух кораблей. Представляете, что можно обнаружить, прогулявшись вдоль струны?

Денис и Анатолий переглянулись.

– Если дело обстоит таким образом, – сказал капитан, – то я уверен, что к Бичу отправимся не только мы.

Денис кивнул, обдумывая слова деда. Вспомнил глаза Аурики, в которых сквозил некий странный интерес к нему, словно командир корабля, предназначенного открыть тайны Бича Божьего, сомневалась в компетенции Молодцова. Снова пришло на ум: история повторяется. Дед нашёл свою суженую за пределами Земли, и его внуку дали шанс. Грех будет не воспользоваться?

– Американцы уже не те, что были раньше, – понял по-своему его задумчивость Молодцов-старший, – с ними можно дружить, а вот наши соседи, потомки драконов, после того как вышли в лидеры и поменяли клан президента, словно с цепи сорвались. С ними надо держать ухо востро.

– Ничего, мы уже сталкивались с ними в ближнем космосе, – сказал Денис, – они неплохие ребята, хотя стоит зазеваться – норовят присвоить всё, что плохо лежит.

– Самое главное, что они никогда не лягут грудью на амбразуру, – сказал Анатолий, – чтобы спасти своих же товарищей. А мы можем.

– Вот грудью на амбразуру не надо, – поморщился Денис Андреевич. – Не хватало ещё с китайцами соревноваться в этом отношении. Просто оглядывайтесь, если будете иметь с ними дело. Они стопроцентно пошлют к Бичу свою команду. Всем хочется занять суперструну в качестве трофея. Только если, как кричат СМИ, Бич действительно настолько велик, бед он может наделать в Системе неисчислимо количество.

– Узнаем, для того и летим. Подскажи, если есть идеи, как к нему пристыковаться.

– Думаю, в этом проблем не будет, если у вас имеются классные драйверы и соответствующие мощности. Но сюрпризов опасайтесь, не рискуйте понапрасну. Ещё кофе?

– Нет, спасибо, – отказался Денис. – Обещаю не рисковать. Мне тоже кажется, что главное начнётся, когда Бич вторгнется в пределы Системы. Ещё нет точных данных, наткнётся он на какую-нибудь планету или нет.

– Главное, чтобы прошёл мимо Земли, – сказал Анатолий.

Денис встал:

– Уходим, Толя, нет времени рассиживаться. Дед, благодарим за консультацию, я тебя понял.

Денис Андреевич проводил гостей до двери, задержал внука, понизил голос:

– Ты перестал делиться со мной новостями личной жизни.

– Прости, дед, – смутился Денис. – Разберусь с Бичом и подъеду, поговорим обо всём.

– Часом, не женился? Никого не осчастливил?

– Не тороплюсь, – расплылся в улыбке майор. – Кого хочу я осчастливить, тому уже спасенья нет.

– Но хоть кандидатура имеется?

Перед глазами засияли глаза Аурики, полные света... и сомнений, вспомнилось, как её руки обнимали его талию, когда они плыли на доске фойлборда к берегу.

– Она ещё не знает.

– Кто, если не секрет?

– Аурика Ветрова, – неожиданно признался он. – Полковник. Испытатель космотехники первого класса.

Помолчав пару мгновений, добавил:

– Капитан нашего фрегата «Енисей», на котором мы пойдём к Койперу.

Брови Молодцова-старшего сошлись.

Денис не выдержал, засмеялся, прижал старика к себе и поспешил к лифту, крикнув на прощание:

– До встречи, дед.

* * *

Командующий ВКС, прибывший на космодром перед стартом, был краток:

– По нашим данным, партнёры уже опередили нас, выслав экспедиции к Бичу Божьему. За орбитой Луны зафиксированы «судороги» пространства, означающие применение скак-технологий. В глубокий космос отправлены машины американцев, китайцев и индийцев.

– Индийцев? – недоверчиво спросил начальник НЦЭОК.

– Почему это вас удивляет, Семён Сергеевич? Индия имеет прекрасную технологическую базу... благодаря кооперации с нами. Об американцах говорить не приходится, их военный бюджет позволяет покупать любые технологии и любых специалистов. В их космических корпорациях работают десятки наших учёных и инженеров. Китайцы же просто...

– Воруют, – тихо подсказал кто-то.

Совещание экипажа «Енисея», научной группы и команды Дениса происходило в здании ЦУПа, и кроме членов экспедиции и командующего ВКС на нём присутствовали только высокопоставленные руководители космической обороны: генералы Стогов, Каминский и Сароян и полковник Верник.

Бояринов пожевал губами, отыскивая глазами шутника, оглядел всех косменов тёмными запавшими глазами, но комментировать реплику не стал.

– Обстановку вы знаете. Натиск на Россию со стороны США ослаб, но конкурентов меньше не стало. Хорошо ещё, террористы не завладели кряк-технологиями. Помните, что вы служите России. Вопросы есть?

По небольшому помещению рабочего модуля начальника НЦЭОК растеклось молчание.

– Вопросов нет, – удовлетворённо проговорил Бояринов, заканчивая напутствие.

Штатный космодромный мобил доставил всех к космолёту.

Вышли на стартовой башенке деловитой гурьбой, невольно оглядываясь на заснеженные поля и леса вокруг гладкого серого поля космодрома. Выглянуло солнце.

Один из членов экипажа, оператор вспомогательных систем по имени Пятрас (все звали его проще – Петя), заявил:

– Как хорошо нас провожает природа!

– Романтик ты наш, – похлопал его по спине старпом корабля Илья, проходя в люк первым. Опытный навигатор, ставший правой рукой Аурики, не обрадовался, узнав, что экспедицией будет командовать Денис, и, судя по настроению, он уже ревновал его к Ветровой.

Команда скрылась внутри тамбура, люк закрылся.

Провожающие вернулись на борт мобила. Катер взлетел.

Стал виден весь корабль.

В отличие от кораблей эпохи ракетного космоплавания, диктовавшей форму для всех аппаратов, прорывающихся сквозь атмосферу Земли, нынешние космолёты могли принимать любую геометрическую конфигурацию, так как им не нужно было снижать трение, придавая корпусам обтекаемость. Поэтому строились машины пространства согласно функциональной необходимости и требованиям безопасности для экипажа, из-за чего даже военные фрегаты и крейсера разных стран отличались порой разительно.

Параметрическая или алгоритмическая архитектура, как её называли постмодернисты ещё полста лет назад, возникла как естественное эволюционное течение цифровых технологий и проникла во все сферы жизни. Она сочетала в себе красоту геометрических линий, топологических переходов и совершенство произведений искусства.

«Енисей» больше всего походил на творение архитектора-авангардиста. Его конструкторы использовали для построения корпуса так называемую диаграмму Вороного, допускающую разбиение пространственного объёма таким образом, что каждая область этого разбиения образует множество фрактальных элементов, более близких к одному из элементов множества, чем к любому другому. Поэтому корабль являлся кристаллическим компактом, соединяющим в себе ранее несочетаемые фигуры. В разных ракурсах он виделся иным, то как хищная птица, то как туша дельфина, то как невероятное сочетание живых тел. Ничего лишнего, плавные обводы и перетекание форм, все эффекторы, антенны и оружие упрятаны в корпус, но как же величественно смотрелась эта «птица», внушая восхищение и уважение!

– Красиво! – не удержался от восклицания Каминский.

– Ни пуха ни пера! – произнёс вслух Стогов, ни к кому особо не обращаясь.

Мобил унёс провожающих к зданию ЦУПа на краю космодрома.

Ждали четверть часа.

Наконец «Енисей» включил гравитационные компенсаторы и плавно воспарил над серым полем, словно невесомый воздушный шарик или голографический пузырь. Повисев несколько секунд на высоте сотни метров, он покрылся сеточкой молний и исчез!

– Он что, сразу провалился в «трещину»? – осведомился Бояринов, отлично знавший, что происходит.

– Всего лишь включил режим «инкогнито», – пояснил Верник, который тоже знал, что командующий ВКС знает о причинах исчезновения космолёта. – В «трещину» он нырнёт за орбитой Луны, в пустом космосе. Можем понаблюдать за его манипуляциями в зале.

Командующий ВКС молча направился к ЦУПу.

* * *

Лифт вмещал пять человек, поэтому каждая группа экспедиции добиралась до рубки управления по очереди: первыми – члены экипажа, затем учёные под руководством Велемира Мартовича Шестопада, доктора физико-математических наук, и последними – Денис и двое офицеров его группы; руководство НЦЭОК решило не посылать всю его команду, так как в этом не было прямой необходимости. Летели не спасать кого-то, а разобраться в происходящем на задворках Солнечной системы.

Центральный отсек «Енисея» представлял собой сферу диаметром в двадцать метров и делился не как этажи земного здания, а слоями матрёшки, разбитыми в свою очередь на «апельсиновые дольки». Каждый слой имел своё функциональное назначение. Всего слоёв, обнимавших собственно центр управления, называемый в просторечии бункером, было четыре: бытовой, технический, медицинский и защитный.

В рубке-бункере, разделённом консолями и силовыми шпангоутами, располагались кресла-модули, укреплённые в половых нишах вокруг колонны информационного контроля таким образом, что все видели друг друга и капитана. Всего модулей было пять.

Так как при конструировании корабля с крякеном никто не знал, как будет влиять на людей прыжок в «трещину пространства» и выход из неё, кресла создавались как своеобразные реанимационные комплексы и напоминали сложные «соты» с прозрачными колпаками. При необходимости каждое из них выстреливалось наружу и могло поддерживать космонавта сутки без внешней энергоподпитки.

Обнимающий рубку технический слой делился на модули, всего их было двенадцать, и в каждом из них могли расположиться по двое пассажиров или технических специалистов разного назначения. Кресла и для них были выполнены как камеры защиты, хотя и без коммуникационно-навигационного оборудования. Только командир особой группы имел возможность вмешаться в работу экипажа, управляя всеми системами корабля после включения особого протокола «экстремального выживания», которому обязан был подчиняться и капитан корабля, и его компьютер, названный Егорычем.

Денис после знакомства с «Енисеем» поинтересовался у Верника, почему кванком корабля получил такое забавное имя, и полковник ответил:

– Воспитатель-программист кванкома – Егор Селезнёв, вот ему и дали имя Егорыч. Сначала хотели назвать по фамилии – Селезень.

Денис улыбнулся. Нынешние квантовые компьютеры, интеллект которых зачастую превышал человеческий (способность производить сверхскоростные вычисления не в счёт), буквально выращивались как кристаллы и воспитывались программистами, нередко перенимая их манеру общения. Для последних они, по сути, являлись детьми.

Экипаж скрылся в рубке.

Денис и Анатолий Тихонов начали было устраиваться в своём рабочем модуле, когда к ним неожиданно вышла Аурика, одетая как и все члены экспедиции в серебристый компенсационный костюм, называемый на жаргоне косменов «кокосом».

– Майор, выйдем на минутку.

Денис уловил кривой усмешливый взгляд Анатолия, но удивление скрыл.

Они вышли в кольцевой коридор, опоясывающий модули технического отсека.

– Идёмте в вашу каюту.

Денис молча повиновался.

Дошли до бытового слоя, дверь отсека скользнула в пол, не дожидаясь команды людей, закрылась за ними. Так же точно открылась дверь каюты Дениса.

Каюта представляла собой стандартный узел жизнеобеспечения со всеми удобствами: куб со стороной в три метра. В нём имелось всё необходимое для проживания человека, включая запас пищи и воды, киб-аккумуляторы, медицинский сканер и компьютерное сопровождение.

– Слушаю вас, товарищ полковник, – проговорил Денис официальным тоном.

– Денис Ерофеевич, давайте договоримся, – сказала женщина не менее официально. – Что было в Крыму – осталось за бортом корабля.

– Так ничего и не было, – озадаченно пожал он плечами.

– Иногда вы проявляете ко мне... – она прикусила губу, искала слово, – не совсем здоровый интерес.

– Почему? Здоровый.

Глаза Ветровой похолодели, голос приобрёл металлический оттенок.

– Майор, мне не до шуток. Сантиментов на борту фрегата я не допущу.

Для женщин нет такой проблемы, какую они не могли бы создать, вспомнил Денис чью-то шутку.

– Я вас понял, товарищ полковник.

– Вот и отлично. – Аурика шагнула к двери.

– Но вы не откажетесь от приглашения, когда мы вернёмся? – в спину ей сказал Денис.

Показалось, что она приостановилась.

– Зависит не от меня, – прилетел ответ.

Дверь закрылась.

– Ну, и что ты думаешь? – спросил Денис неизвестно кого.

– Все параметры жизнеобеспечения в норме, – ответил компьютер каюты мягким баритоном, посчитав, что вопрос предназначен ему.

* * *

Луна в кормовых камерах превратилась в серебряный диск, и голос Аурики возвестил пассажирам:

– Переходим на крик-ход!

– Интересно, это очень больно или нет? – спросил Анатолий на личной волне.

Они уже «запаковались» в своих креслах-ульях и теперь зависели от тех, кто пилотирует корабль.

– Скорее, мы ничего не почувствуем, – успокоил его Денис.

– Из ума не выживем?

– Не для того он нам дан, чтобы из него выживать. – Денис подумал и добавил: – Да и не у всех он есть.

– Это ты о ком?

– О себе.

– Тогда ладно.

Темнота упала на глаза космонавтов внезапно, словно в защитной капсуле отключили свет и все системы коммуникации. Денис почувствовал, что летит в жидкую темноту... и всплыл из этой странной темноты на свет божий.

– Давление сто восемьдесят на девяносто, пульс семьдесят, температура тридцать семь, – пробился в уши голосок медицинского контролёра. – Рекомендую нэви.

– Не надо, – отказался Денис.

Словечко «нэви» означало инъекцию успокоительного.

Перед глазами открылась космическая бездна: кванком корабля включил пассажирам внешний обзор. Звёзды окружали корабль сияющей пылью, многие из них кололи глаза

лучами, одна была намного крупнее остальных – Солнце. В поле зрения слева всплыл шарик красновато-жёлтого цвета.

– Вышли на орбиту Марса, – прошелестел в наушниках голос капитана корабля. – Час на КФ¹⁴. Покидать промокапсулы не рекомендуется.

О том, как чувствуют себя после провала в «трещину» пассажиры, Аурика не спросила. Впрочем, Егорыч, наверное, уже поделился с ней состоянием всех людей на борту.

– Я думал, будет хуже, – со вздохом облегчения признался Анатолий.

Денис промолчал. Как и помощник, он тоже первый раз путешествовал в космическом аппарате, использующем технологии «разрыва пространства», и тоже готовился к неприятным ощущениям, не раз описываемым писателями прошлых эпох, но всё оказалось прозаичней и терпимей.

Марс сместился правее: «Енисей» корректировал своё положение в пространстве, нацеливаясь на радиант созвездия Стрельца. До красной планеты было около миллиона километров, и Денис подумал, что корабль мог выйти и рядом с ним, и даже внутри планеты, что повлекло бы нехорошие последствия. Но потом пришла мысль успокаивающая, что кванком корабля способен просчитать все варианты траекторий и не допустит столкновений с твёрдыми телами.

– Ты был на Марсе? – спросил Анатолий.

– Дважды, – ответил Денис.

– Давно?

– Ещё при стажировке.

– Видел эти артефакты, о которых все говорят?

Денис помолчал, провожая глазами шарик Марса.

Лишь в конце тридцатых годов двадцать первого века человечество начало организованно обследовать планеты Солнечной системы, получив новые возможности для быстрого преодоления космических расстояний. Первым делом земляне массово полетели на Луну, причём сделали это китайцы, опередив ведущие космические державы – Россию и США. Было собрано множество доказательств того, что спутник Земли не просто посещался иными существами, но даже использовался ими в качестве базы для разведстанций, маяков, телескопов, порталов и прочей техники.

Позже стало понятно, что большую часть сооружений оставили на Луне древние земные цивилизации. Хотя были и принадлежащие инопланетным расам.

В те же времена грянула сенсация: китайские исследователи проехали по всем местам, где якобы побывали в шестидесятые годы двадцатого столетия американские астронавты, и не нашли никаких следов! Точнее, следы были, но они оказались уголковыми отражателями, сброшенными уже в начале двадцать первого века автоматическими станциями американцев в качестве «доказательств» своего мнимого первопродчества.

Затем наступила очередь Венеры и Марса.

Самое примечательное, что первые инопланетные сооружения, точнее их следы, были обнаружены на Венере. Несмотря на постоянные заявления уфологов, наблюдавших за полётами к Марсу автоматических аппаратов, что найдены «пирамиды», потом «стены», «города» и даже высохшие мумии обитателей Марса, первый по-настоящему не подлежащий сомнению артефакт был найден на поверхности Марса только в две тысячи сорок первом году, когда снимками разрушенной венерианской «крепости», названной Цитаделью, уже вовсю любовались пользователи Интернета.

Денис действительно проходил стажировку на базе МЧС, расположенной на спутнике Марса Фобосе, и не упустил возможности побывать в горах Южного Сырта с компанией сверст-

¹⁴ Контроль функционирования.

ников, где была найдена дыра в каменном щите, проделанная метеоритом, а потом и подземный город. Вернее – следы некоего искусственного тоннеля и почти полностью погребённые под обрушившимся сводом стены каких-то строений. Археологи определили их возраст в миллион лет.

А буквально перед встречей Дениса с Аурикой на море в Крыму на Марсе нашли, опять же – под землёй, явные следы базы инопланетян. После изучения сохранившихся интерьеров помещений, весьма необычных, а также сервисного пространства, мебели и компьютеров учёные сделали вывод, что хозяева базы напоминали земных рептилий.

– Видел, – наконец ответил Денис. – Прошли тысячи, а то и миллионы лет, от артефактов почти ничего не осталось. По Солнечной системе когда-то летали часто, в том числе – наши предтечи. Следы их деятельности найдены не только на Марсе и Венере, но и на спутниках Сатурна, Юпитера и Урана. Даже на Плутоне. Мы – не первые освоители планет системы.

– Куда же подевались первые? Передрались? Вымерли, как динозавры?

Шарик Марса скрылся за кормой корабля.

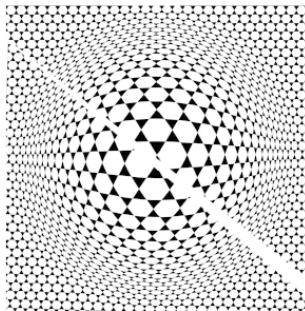
– Давай поговорим об этом позже, Толя. Гипотез очень много, а достоверной информации мало. Возможно, правы философы, утверждавшие когда-то, что разум человеческого и вообще биологического вида в конце концов уничтожает сам себя, когда доходит до обладания оружием массового поражения.

– Внимание в отсеках! – раздался голос Аурики; ах как волнующе он звучал, несмотря на жёсткий командирский тон. – Переходим на крик-ход. Следующая остановка – орбита Плутона. Все готовы?

– Готовы, – недружно ответили пассажиры.

Звёзды погасли...

Иллюстрация 6

«Солнце Китая» вылетел за пределы Солнечной системы за сутки, хотя и не без приключений.

Несмотря на техническую подготовку, изучение теории создания «трещин» в космосе и неплохой практический опыт космоплавания, экипаж корабля ни разу не испытывал на себе крик-процесс, и ему пришлось приложить немало усилий к привыканию к «чёрным падениям», как окрестили тайконавты прыжки в «трещину», и к долгой настройке аппаратуры после выныривания из них. Поэтому шли мелкими прыжками – до десяти-пятнадцати миллионов километров каждый. Сначала вообще рванули в противоположную сторону, добравшись чуть ли не до Венеры, и лишь последний, двадцать восьмой прыжок-провал длиной в миллиард километров вынес корабль за орбиту Плутона, к первым снежно-ледяным объектам пояса Койпера.

Несколько часов тайконавты отдыхали, проводили контроль функционирования систем корабля и определяли свои координаты. Радиосигналы преодолевали пространство со скоростью света, поэтому прямого общения с ЦУПом не получалось. Задавать вопрос и ждать ответ в течение нескольких часов было нецелесообразно. Поэтому действовали согласно инструкциям, разработанным в научно-исследовательском центре в Сичане как раз на случай таких форс-мажорных ситуаций. Что такие ситуации невозможно было просчитать никаким теоретикам и компьютерам, экипаж не волновало. Они давно привыкли чётко подчиняться правилам, какими бы порой идиотскими они ни были.

Обзор космоса дал картину ближайшего к Солнцу кольца пояса Койпера.

«Янгуанг Шангуо» не имел телескопов, но его система визуального контроля позволяла фиксировать объекты стометровых размеров на расстоянии до миллиона километров. Поясом Койпера эту область пространства, насыщенного «строительным мусором» Солнечной системы, назвали в честь нидерландского и американского астронома, и она представляла собой скопление каменно-ледяных тел и пыли, хвостом сопровождавшее Солнце при его движении вокруг ядра галактики Млечный Путь. За орбитой Плутона, который входил в Пояс и был планетой, обладавшей каменным ядром, вращались вокруг Солнца миллионы подобных ему карликов, среди которых встречались и довольно упитанные экземпляры: Эрида, Хаумеа, Макемаке, Лютетия, Нибиру¹⁵ и другие.

Самые маленькие из астероидов и ядер комет встречались уже на расстоянии четырёх с половиной миллиардов километров. Покрупнее, к примеру Эрида, подлетала к Солнцу¹⁶ не ближе шести миллиардов километров. Остальные располагались дальше, и зона с максималь-

¹⁵ Диаметр Эриды = 2400 км, Хаумеа = 1960×1520, Макемаке = 1500, Лютетия = 121×101×75, Нибиру – больше 6000 (пока не открыта).

¹⁶ Перигелий Эриды – 38,5 а.е., афелий – 97,6.

ной плотностью «мусора» начиналась уже на расстоянии в пятьдесят астрономических единиц, то есть дальше семи с половиной миллиардов километров.

«Янгуанг Шангуо» в настоящий момент только-только приблизился к невидимой и неощутимой границе этой зоны и ничего особенного не увидел. Лишь в миллионе километров от корабля видеосистема зафиксировала рыхлый снежно-ледяной обломок диаметром около километра, да и то лишь потому, что он хорошо отражал солнечный свет. В остальном вокруг простиралась беспредельная пустота, звёзды не бегали по небу и астероиды не взрывались при столкновении. Бич Божий был ещё далеко.

Сориентировались, затратив на эту важную процедуру больше двух часов.

Капитан объявил готовность к дальнейшему движению, и «Янгуанг Шангуо» вонзился в созданную им же «трещину», чтобы выйти к ломящемуся сквозь облако камней и льда объекту.

* * *

Наконец они увидели цель, к которой стремились, не обращая внимания на подстерегающие их опасности, не через синтезаторы компьютера, а на экране видеосистемы.

С расстояния в полтора миллиона километров Бич Божий выглядел тонюсенькой несерьёзной паутинкой света, перечеркнувшей фронт сферы обзора. Ничего апокалиптического в ней не было, она казалась хрупкой и невесомой, как настоящая паутинка, и лишь полученная от специалистов на Земле информация о свойствах этой «паутинки» заставляла тайконавтов относиться к ней с уважением.

– Переходим на эгран, – предупредил экипаж капитан Юйдай. – Профессор Лю, у вас имеются какие-нибудь рекомендации?

– Нет, командир Гочжу, – ответил Лю Боцан, единственный гражданский эксперт по астрофизике в составе экипажа.

«Янгуанг Шангуо» устремился к «паутинке», включив генератор электрогравитационного хода.

Какое-то время ничего не менялось в окружающем корабль пространстве.

Бич Божий мчался с прежней скоростью в три тысячи километров в секунду, и компьютеру корабля по имени Дзен приходилось корректировать скорость движения космолёта с таким расчётом, чтобы Бич постепенно догонял корабль.

Лишь однажды на левом конце паутинки Бича сверкнула искорка: она наткнулась на какой-то снежно-ледяной ком и разнесла его в пыль.

Подожли на расстояние в полмиллиона километров, потом ещё на двести тысяч ближе.

И здесь наконец дала о себе знать сила притяжения Бича, начавшего приобретать толщину.

Во-первых, компьютер доложил о нарастании гравитационного поля, что сразу сказалось на увеличении скорости полёта.

Во-вторых, тайконавты испытали странные ощущения, будто их тела начала скручивать невероятная сила. Пришлось даже включить дополнительный антигравитационный компенсатор, набор которых создавал на корабле искусственную силу тяжести и спасал экипаж от перегрузок.

Лю Боцан объяснил эти эффекты наличием «нелинейно ориентированных лоренцевых флуктуаций», приводящих к неравномерно нарастающему градиенту гравитационного поля «вследствие малой толщины суперструны, обладающей гигантской массой», и капитан приказал экипажу не обращать внимания на неудобства.

В ста тысячах километров от Бича стали заметны утолщения, неравномерно распределённые по видимой части «паутинки». Как оказалось, эти утолщения представляли собой скопления камней, льда и снега. Некоторые из них достигали диаметра в пятьдесят и больше километ-

ров. Но встречались и тонкие участки, до километра и меньше, состоящие из пластов пыльно-снежного конгломерата.

– Будем запускать зонды, да?¹⁷ – спросил оператор технических систем Юй Чум.

– Подойдём ближе, – решил Юйдаи.

Корабль начал приближаться к Бичу Божьему, обросшему комьями снега и льда.

Длина «паутинки», ставшей сначала «соломинкой», потом неровной трубой, в двадцать четыре раза превышала диаметр Земли¹⁸, и всю её невозможно было окинуть одним взглядом. «Солнце Китая» находился примерно посередине «трубы», и Юйдаи не стал искать более удобного участка Бича, напротив которого можно было зависнуть и запустить к нему робототехнические комплексы с датчиками и видео-камерами.

Спустя полчаса корабль подобрался к «трубе» на расстояние десяти тысяч километров.

Юйдаи приказал Дзену держать эту дистанцию.

Тайконавтами снова овладели неприятные ощущения, искажающие восприятие, порождённые присутствием гигантской, планетарного масштаба массы, распределённой в виде струны.

– Зонд!

Корабль выстрелил исследовательский модуль, имеющий на борту не только локаторы и системы связи, но и приспособленных для работы в холоде космического пространства микроботов.

Включились камеры зонда.

По мере приближения аппарата к тускло отсвечивающей в свете звёзд «трубе» стали видны наросты на ней, напоминающие то грибы, то кольца, то проткнутые шашлычным шампуром куски сгоревшего мяса – скопления камней и покрытые слоем пыли снеговые «опухоли».

Что-то сверкнуло под зондом, будто луч света отразился от зеркала.

– Командир Гочжу! – заволновался Ван Ювэй, первый пилот корабля.

– Вижу, – ответил Юйдаи. – Дзен, покажи детальнее.

В мгновенно возникшем операционном окне видеосистемы появился участок Бича, откуда прилетел «солнечный зайчик». Он напоминал нечто вроде каменистой шишки диаметром около шестидесяти километров, пронизанной ледяными «усами-сталагмитами».

– Ван, сдай ещё пару тысяч.

Пилот послушно повёл корабль на сближение с «трубой» Бича.

Снова сверкнул зеркальный зайчик.

Ван Ювэй и Дзен заговорили в два голоса:

– Командир Гочжу, там какая-то железяка!

– Фиксирую металлическую конструкцию правильной формы.

– Корабль?! – удивился Лю Боцан.

– Не похоже. Ван, ещё ниже.

Корабль сдал кормой к «трубе» Бича, уходившего в обе стороны в космос так далеко, что его концы перестали быть видимыми. На высоте тысячи километров завис над «сосновой шишкой», превратившейся в эллиптическое скопление каменных глыб, пластов, кристаллических чешуй и ледяных «сталактитов» размером с Матильду, гигантский астероид¹⁹, открытый ещё в начале столетия в поясе Койпера. На полную мощь включили антигравитационные компенсаторы, ослабляющие нагрузку на организм «скрученного» гравитационного поля Бича.

¹⁷ Да – обращение китайцев к командиру, означает – «старина».

¹⁸ Диаметр Земли равен 12 756 км.

¹⁹ Размеры Матильды: 56×48×46 км.

Зонд опустился на сто километров, на пятьдесят, начал падать: его слабый эгран-двигатель не справлялся с тяготением суперструны. Второй пилот Лю Лао попытался уравновесить его над горными изломами «шишки», но добился лишь уменьшения скорости падения.

На высоте пяти километров камеры зонда захватили в поле зрения картину приближившейся «горы на шампуре».

Тайконавты впились глазами в экран.

В складках и рёбрах рыхлой горы, охватывающей ось пронзившей её «трубы», стали заметны какие-то геометрически правильные детали явно искусственного происхождения.

– Здесь кто-то разбился! – неуверенно предположил Ван Ювэй.

– Русские? – подал голос Лю Лао.

– Если кто и разбился, то не русские и не американцы, – возразил пришедший в себя Лю Боцан. – Бич летит не от Солнца, а к нему. До него мы добрались первыми.

– Ещё неизвестно. И америкосы, и русские могли нас опередить.

– Не имеет значения. Мы первыми можем завладеть найденными артефактами. Мне думается, что это разбитый космический корабль древней цивилизации.

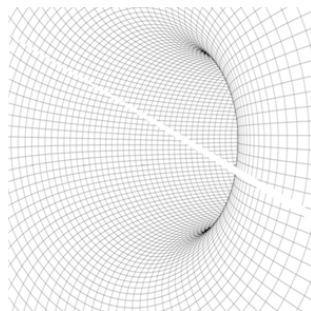
Тайконавты дружно посмотрели на капитана, хотя видеть его лица под шлемом не могли.

Зонд врезался в скальный пик, множество которых, торчащих во все стороны, и создавали образ сосновой шишки, и передача его видеокамеры прервалась.

– Садимся, – решил Юйдаи, перед глазами которого промелькнула сцена приёма во дворце президента, где ему вешали на грудь орден Восходящего Солнца.

«Солнце Китая» устремился к месту падения аппарата...

Иллюстрация 7

Они уцелели благодаря продуманной конструкторами станции защите.

Сама станция, представляющая собой сросток сферических модулей, соединённых трубами переходов, перестала существовать как единое целое, занимающее полости внутри планетоида. Большинство переходов было оборвано, вода из них вытекла и замёрзла, часть модулей сплющена, и неповреждёнными по счастливой случайности остались только центральный отсек управления и два бытовых блока. Погиб лишь один Д-служитель – пятый, отвечающий за ассенизацию всего комплекса. Остальные, в том числе и Столб, по вине которого произошло несчастье (не отправясь он почивать, нарушив все инструкции, успел бы отреагировать на доклад компьютера о том, что их нагоняет экзотический длинномерный объект гигантской массы), отделались ушибами и сотрясениями спинных мозгов.

Приходили в себя долго, так как медицинский адаптер отключился, а просыпались морлоки без автоматики не сразу. К тому же сильно мешали неприятные ощущения, порождаемые внешним гравитационным полем, ориентированным не линейно, а спирально-сферически: в зависимости от положения тела и направления его движения то голова вытягивалась вверх, то ноги вниз, то лапы в стороны, и приходилось постоянно бороться с головокружением и «миганием» сознания.

Переход из зоны отдыха в центральный отсек хоть и был помят и лишён воды, но сохранил своё назначение, и морлоки по одному переползли по нему в ЦУП, где Главный уже выяснял причины происшедшего и масштабы разрушений станции.

Столба он пообещал отдать под трибунал при возвращении на родную планету, но пока оставил в живых, послав оценить сохранность основных узлов станции, антенн связи и транспортного отсека.

Через два хрона (что соответствовало двум с лишним часам земного времени) стала вырисовываться общая картина катастрофы.

Экзотический длинномерный объект, летящий со скоростью, равной одной сотой скорости света, разрубил планетоид, состоящий в основном из льда и снега, с небольшим количеством более плотного каменного материала, пополам. Но родившееся облако обломков не осталось позади объекта, названного помощником Главного Жалом Смерти. Благодаря его гравитационному полю, не уступающему по мощности полю гравитации сотни крупных планет, этот хвост вернулся к почти невидимой линии Жала и, покачавшись вокруг кольцом, осел на эту странную ось рыхлым конгломератом из снежных торосов, камней, глыб льда и обломков станции.

Система жизнеобеспечения ЦУПа ещё работала с грехом пополам, поэтому скорая гибель морлокам не грозила. Однако и перспектив никаких они не видели, так как не могли сообщить начальству о том, что произошло. Комплекс мгновенной связи был разрушен.

Так как все помещения станции были заполнены естественной средой морлоков – водой, практически все они лишились этой среды при столкновении: вода вытекла либо почти мгновенно замёрзла в вакууме. Остался без воды и ЦУП. Поэтому экипаж прибыл в отсек в скафандрах. Отсек заполнили воздухом. Пока в полной мере не заработали генераторы синтеза воды, им можно было дышать, так как морлоки являлись земноводными существами, но снимать скафандр никто не захотел.

Драго Обязанный, имевший право непосредственно общаться с Главным без формальностей драконьей этики, сделал предложение:

– Надо срочно улетать.

Драго Совершенный, сняв длиннорылый шлем, превращавший его в земного прямоходящего крокодила, выпустил через жабры струю воздушных пузырей, почесал плешь на макушке, снова надел.

– Доступ к транспортному терминалу заблокирован.

– Можно пробить к нему коридор. Нас завалило не пластами породы, а почти одним снегом и льдом.

Главный снова снял шлем, подышал, открыв пасть, задумчиво прошёл по небольшому залу управления, не надевая шлема.

За ним откинули шлемы и остальные члены экипажа.

– Сначала попытаемся привести в порядок системы визуального контроля и связи. Потом решим, что делать дальше.

– Я готов понести наказание... – робко проблеял Столб.

Ствол карамулька на плече Главного повернулся в его сторону.

Д-техник испуганно сжался.

В ЦУПе повисла тишина.

Но Драго Совершенный не выстрелил.

– Будешь пробивать тоннель к транспортному отсеку. В твоём распоряжении шестой хлопотун. Остальные – на комплекс связи и восстановление защиты.

Столб с облегчением выпрямился, хотя тут же согнулся под выкручивающей все суставы тяжестью гравитационного поля Жала. Скафандры, наполненные водой, не имели гравитационных регуляторов, а главный генератор ЦУПа не работал в полную силу, защищая членов экипажа от перегрузок.

Несколько хронов ушло на разборку завалов в уцелевших отсеках и восстановление узлов системы жизнеобеспечения. Если с завалами справились, имея в распоряжении два десятка сохранивших работоспособность автомехов – функционально ориентированных механизмов, то станцию связи оживить так и не удалось. Она была разорвана и смята, как консервная банка, никакой ремонт не мог заставить её работать.

Столб и хлопотун, доставшийся ему в помощь, также не смогли пробиться к транспортному терминалу, хотя и пробили к нему коридор сквозь массу каменно-ледяных глыб. Осталось сделать последнее усилие – убрать несколько особо твёрдых обломков и пропилить в стенке терминала отверстие.

Зато заработала система внешнего наблюдения, потерявшая большую часть видеокамер, но всё-таки сумевшая синтезировать картину космоса вокруг. Включившийся комплекс дальноточного обнаружения помог определить координаты сцепленных в одно целое Жала Смерти, планетоида и станции, и стало ясно, что Жало направляется к ближайшей звезде, за которой вели наблюдение морлоки и вслед за местными обитателями называли Солнцем, и уже приблизилось к границам Солнечной системы. Вскоре оно должно было настичь две карликовые планеты, а затем пройти вблизи планеты, называемой землянами Ураном.

– Если мы не выберемся отсюда, – сказал Драго Обязанный Главному, – никто не узнает о том, что произошло.

– Сооружайте переход к транспортному терминалу, – сказал Драго Совершенный. – Сколько времени на это потребуется?

– Пятнадцать-двадцать хронов, – ответил заместитель, помедлив.

– Берите всех автомехов, кроме двух, и приложите максимум усилий. Я пока попробую выяснить, что представляет собой Жало.

– Мы не сталкивались с такими объектами.

– Космос велик, – философски заметил Главный, взбираясь на спину-седло шестилапного автомеха, похожего на гигантского земного паука.

Но покинуть станцию Драго Совершенный не успел.

Пояс Койпера в срединной своей части напоминает довольно плотное облако планетоподобных и астероидных тел. И хотя расстояния между ними достигают десятков тысяч и сотен тысяч километров, Жало Смерти то и дело наткнулось на какой-нибудь кусок камня или глыбу льда, размеры которых иногда достигали сотен километров.

В тот момент, когда Главный собрался выйти из ЦУПа на поверхность разрушенного планетоида, образовавшего вокруг трубы Жала неровное рыхлое кольцо из перемешанных между собой слоёв льда, снега и камней, Жало врезалось в один из попавшихся на пути каменисто-ледяных обломков величиной с крупную гору.

– Ваше совершенство! – завизжал Д-прог-раммист, копавшийся во внутренностях машины контроля.

Драго Совершенный оглянулся.

В глубине экрана, охватывающего помещение ЦУПа кольцом, появился светлячок, мгновенно увеличился в размерах и лоб в лоб столкнулся с Жалом!

К счастью, произошло это поодаль от района, где разбился планетоид со станцией.

Над обросшей шубой неровных пластов снега и пыли трубой Жала брызнули вихри осколков, обтекая её двумя струями каменно-ледяных глыб, образуя своеобразные усы, терявшиеся в глубине космической бездны.

Морлоки невольно вцепились лапами в конструкции ЦУПа, ожидая сильнейшего толчка.

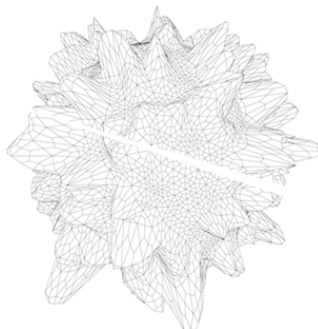
Однако Жало Смерти даже не содрогнулось, лишь стенки станции отозвались волной слабой вибрации. Гигантская струна экзотической материи не заметила препятствия, обладая чудовищной, далёкой от здравого смысла массой.

– Не выходите, ваше совершенство, – посоветовал Драго Обязанный, наблюдая за тем, как тает в пространстве позади Жала хвост осколков планетоида.

– Занимайся своим делом, – ответил Главный, направляя автомеха к выходу.

Трусом он не был, как не был и вырождаемо-эмоционалом, каких иногда рождала раса морлоков, так как трусость – это, по сути, тоже проявление эмоций, в отличие от расчётливого поведения. Но при любом раскладе существовала необходимость изучения района катастрофы, хотя бы ради оценки ситуации и составления общей картины разрушений станции. И Главный выбрался из отсека управления через восстановленный тамбур на вершину округло-щетиистой горы остатков планетоида, под усыпанное немигающими звёздами «небо» Жала Смерти.

Иллюстрация 8

В отличие от конкурентов-китайцев (хотя экипаж «Енисея» и не знал об их существовании) корабль сделал всего два прыжка: сначала к Юпитеру, точнее, примерно в район его орбиты, по вектору созвездия Стрельца, а затем сразу к условной границе пояса Койпера, где начинала стремительно расти плотность планетоидных тел.

Плутон в этот момент находился почти по другую сторону от Солнца, и космонавты его не увидели. Впрочем, как не увидели и Юпитер в той мере, на какую рассчитывали.

Самая большая планета Солнечной системы, едва не ставшая миллиарды лет назад вторым солнцем, выглядела на фоне звёзд слабо светящимся зеленовато-коричневым пятнышком.

Зато удалось полюбоваться на один из так называемых внешних спутников Юпитера – Метис, диаметр которого не превышал двадцати километров. Вращался этот спутник вокруг гиганта на удалении в одиннадцать миллионов километров, и с этого расстояния сам Юпитер казался размером с теннисный мячик. Метис же напоминал обломком кирпича с оббитыми рёбрами и углами, испещрённый кратерами и шрамами.

За почти полвека, истекшие с момента реального выхода человека в космос в две тысячи двадцать восьмом году, после того как к Луне одна за другой направились экспедиции, Солнечную систему избороздили сотни автоматических станций и аппаратов, в первую очередь посетив наиболее интересные с научной точки зрения и перспективные с точки зрения поисков жизни планеты и спутники.

Таковая была наконец найдена: в кислотных облаках Венеры, на спутниках Сатурна – Япете, Тетисе и Дионе, на спутнике Нептуна Тритоне и на спутниках Юпитера – Ио, Европе и Ганимеде. На них уже давно работали исследовательские станции. Однако разумных обитателей, так сказать братьев по разуму, люди ни на одной планете не обнаружили.

Выход за пределы Солнечной системы не праздновали. Зато отпраздновали Новый год. Правда, символично.

Капитан корабля сухо доложила о прибытии в район ответственности, как она выразилась, поздравила экипаж с наступлением нового, семьдесят девятого года, космонавты дружно прокричали ура, сделали по глотку горячего шоколада и в течение нескольких часов собирали информацию о своём положении, о параметрах среды, включающих блуждающие вокруг камни и глыбы льда, и о движении Бича Божьего.

Стало ясно, что Бич мчался к ним с прежней скоростью и находился где-то недалеко по космическим меркам – примерно в сорока пяти миллионах километров. Его тяготение ещё ощущалось только приборами.

Пассажиры от нечего делать собрались в кают-компанию корабля, занимавшей отсек над рубкой управления и имевшей форму половинки удлинённого эллипсоида.

Денис, ради подтверждения своего статуса руководителя экспедиции посетивший рубку и не встретивший особого внимания со стороны Аурики (майор, вам тут нечего делать, при-

будем на место, и начнёте распоряжаться), присоединился к компании в минорном расположении духа.

Собралось шесть человек, две группы – исследователи и экстремалы-спасатели. Все давно перезнакомились, относились друг к другу по-товарищески и общались запросто, хотя астрофизик Богатырёв и превращался иногда в зануду, речь которого, пересыпанную научными терминами, понять было трудно.

О том, что такое Бич Божий, спорили тоже давно. Начали ещё на Земле, когда командиры ВКС обрисовывали членам экспедиции обстановку. Однако все три эксперта на борту «Енисея» имели каждый свою точку зрения на происхождение космического экзота.

Сначала вспомнили об М-теории, объединившей многие теории суперструн. В этой теории сверхструны, они же суперстринги, являлись предельными формами многомерных мембран, возникающих в момент Большого Взрыва и объединившихся в так называемую квантовую пену. Когда речь зашла о «спиновой пене», «некоммуникативных операторах», «флоп-кониформ-энханкон сингулярностях» и прочих «фамилонах», Денис не выдержал, вмешался в беседу и попросил учёную братию не применять сложные формулировки.

– Мы практики, – закончил он дружелюбно, – и смотрим на всё происходящее глазами спасателей.

Эксперты переглянулись. Все они были достаточно молоды и потому амбициозны, самому старшему, руководителю группы Шестопалу, едва исполнилось сорок четыре года. Младшему – Богатырёву, специалисту в области планетарной физики, вообще недавно стукнуло тридцать, и он нередко в своих суждениях был резок.

– Я имею имманентное право индивидуума на интериорный нарратив личного мнения, – проговорил он веско.

Слушатели – группа Дениса – обменялась понимающими взглядами.

Денис добродушно рассмеялся.

– Есть сотни субъективных мнений и объективное – моё. Извините, шутка. Я вас понимаю, дружище, но мы тоже хотим уяснить детали процесса, чтобы не действовать возле объекта вслепую. Нам бы поконкретнее и попроще.

Поулыбались, неторопливо поглощая кофе, селенчай и соки.

Снова заговорили о распаде ложного вакуума при рождении Вселенной, а также о возникновении «пузырей» истинного вакуума, превращавшихся в стремительно расширяющиеся метавселенные наподобие родной Вселенной. Обратили внимание на квантовые флуктуации, в том числе на преоны и суперструны, которые в результате инфляционного расширения увеличились до гигантских масштабов.

– Таким образом космологические струны являются тонкими сверхплотными нитями, – закончил свою речь Шестопал, – достигшими размеров в триллионы триллионов раз больше первоначальных.

– А есть и другие струны, не космические? – поинтересовался третий член группы Дениса, немногословный и уравновешенный Иван Долгушин. За всё время подготовки к полёту и нахождения на борту «Енисея» это были его первые слова.

– Коллективное возбуждение преонного конденсата, – начал Богатырёв, – приводит к синтезу суперструн разных модификаций, но коллапс волновой функции...

– Не издевайся над парнями, Валентин, – фыркнул Римас Донионис; тридцативосьмилетний специалист в области материаловедения выглядел импозантно – начинающий сидеть, красивый, с простодушным лицом учителя богословия, он вёл себя просто и корректно со всеми. – Мир, как наверняка знаете, состоит из полей, а когда мы их наблюдаем, видим частицы. Это и есть коллапс волновой функции, возникающий при попытке разглядеть волну или струну. Но суть не в этом. В М-теории всё вокруг состоит именно из суперструн, моды колебаний которых и порождают эффект элементарных частиц.

- Вы хотите сказать, дружище, Бич Божий – элементарная частица? – удивился Анатолий.
- Бич Божий, скорее всего, именно струнг, каким была и Космическая Китайская Стена, разорванная инфляцией и достигшая космической длины. Но мы сейчас гадаем на кофейной гуще. Подлетим – посмотрим, пощупаем, определим точно.
- Если у неё такая большая масса, из чего она состоит? Из свинца? Другого металла? Или это чернотырная материя?
- Не говорите глупостей, – поморщился Шестопал. – Струны не состоят ни из свинца, ни из какого-нибудь другого металла, ни из чернотырной материи, каковой не существует.
- Я имел в виду, что чёрные дыры обладают чудовищной массой...
- Потому что аккумулируют падающее на них вещество и энергию. Каждая дыра – это, по сути, сингулярность, в которой упаковано гигантское количество материи. Во что превращается газ, пыль, камни и свет, попадая в дыру, никто не знает. Но это точно не знакомые нам металлы.
- Но струна тоже притягивает к себе...
- Однако не втягивает в себя вещество – ту же космическую пыль, газы, воду, камни. Всё это просто оседает шубой вокруг струны.
- Откуда они взялись так близко от Солнечной системы?
- Космологические струны возникли во время фазового перехода из сингулярного состояния в стадию расширения в форме клубка спагетти.
- В таком случае они и должны летать как... клубок спагетти?
- В результате инфляционного раздувания пространства они разорвались и увеличились в размерах, точнее удлинлись, оставаясь тончайшими трубками – нитями силового поля. По теории они были замкнутыми и имели разную конфигурацию, но инфляция разорвала их и превратила в петли или ровные, как луч света, образования. Что мы и наблюдаем.
- Но если они остались нитями, почему они имеют такую массу?
- Теоретически их линейная плотность достигает совершенно фантастических значений – до десяти в двадцать третьей степени граммов на сантиметр длины.
- С ума сойти!
- Можно привести неплохой пример для сравнения, – улыбнулся Донионис. – Такую плотность может иметь миллиард нейтронных звёзд, если сжать их до размера электрона. Проблема не в плотности космологических суперструн.
- А в чём?
- Почему они стабильны и не рвутся, если судить по тем данным, что мы получили во время прохождения первой – Китайской Космической Стены через Солнечную систему.
- К сожалению, тогда наша космонавтика не имела возможности сопровождать струну долго. Зато сейчас она летит нам навстречу. А что вы имели в виду под проблемой стабильности?
- Если суперструны имеют дефекты, а они должны быть в результате усиления напряжений и флуктуаций, они будут при такой массе сворачиваться в кольца или сферы.
- Это не обязательно.
- Теория говорит... – учёные заспорили.
- А Денис вспомнил рассказ деда и подумал, что, наверное, и вправду существуют вещи, фундаментально находящиеся за пределами человеческого восприятия.
- Через час, когда пассажиры разбрелись по своим каютам, голос Аурики заставил их поспешить к защитно-коммуникационным «ульям».
- Справились за минуту.
- Уходим к Бичу, – сообщила капитан корабля. – Расстояние до цели – один миллиард триста сорок три миллиона километров. Скорость сближения – две тысячи девятьсот девяносто километров в секунду.

Пространство вокруг космолёта по-прежнему казалось абсолютно пустым, пронизанным лучами близких и далёких звёзд, и Бич Божий был не виден на этом фоне. Но у Дениса похолодело под ложечкой: он ясно представил, как гигантской длины «хлыст» врежется в корабль и разнесит его на кусочки...

– Координаты выхода, капитан? – спросил он.

– Рассчитываем выйти в миллионе километров от объекта, – сообщила Аурика. – Дальше пойдём на эгране. Или у вас другие планы?

– Бич летит к Солнцу практически перпендикулярно к своей длине. Я бы хотел, чтобы корабль вышел у одного из торцов струны.

Возникла пятисекундная пауза.

– Я поняла, мы подкорректируем вектор «трещины». Хотя, на мой взгляд, было бы лучше подойти к середине Бича.

– Прошу вас выполнить просьбу.

Ещё одна пауза.

– Майор, какова причина вашего решения? – раздался голос старпома Ильи Драгунова.

Денис вспомнил свою первую встречу с ним на крымском берегу. Нельзя сказать, что Илья ему не понравился, но в нём ощущался жёсткий стержень человека, считающего своё поведение непогрешимым, и это отталкивало. К тому же он действительно не хотел подпускать к Аурике предполагаемого соперника.

– СРАМ, – коротко ответил Денис.

Аббревиатура означала «сведение риска к абсолютному минимуму», и включение этого императива для любого спасателя было абсолютно непререкаемым приказом, требующим безусловного выполнения.

Илья знал, что такое СРАМ, потому что больше не сказал ни слова.

– Готовность – десять минут, – объявила Аурика.

Ровно через десять минут знакомый шатёр темноты скрыл из поля зрения звёздный ландшафт: «Енисей» прыгнул в «трещину»...

* * *

Зрение восстановилось быстро. Включилось сознание.

Денис шире открыл глаза, озираясь так, будто стоял на вершине земного холма и глядел в небо.

Та же пустота, те же звёзды... и перечеркнутая «небосвод» впереди тоненькая серебристая паутинка.

– Вижу! – не удержался от возгласа Анатолий.

Денис промолчал. Перед глазами высветились цепочки цифр и символов. Кванком корабля выдал пассажирам основные параметры движения и характеристики цели: скорость того и другого, расстояние до паутинки Бича (молодец Егорыч, высчитал «трещину» идеально – прямо к торцу экзота), массу объекта, величины электромагнитных и гравитационных полей.

– Мы на месте, – деловитым тоном доложила Аурика. – Денис Ерофеевич, передаю бразды правления в ваши руки. С этого момента вы руководитель экспедиции.

– Благодарю, товарищ полковник. – Денис поискал комплимент, которым он мог бы порадовать женщину, однако не нашёл.

– Хотелось бы уточнить, – вмешался Анатолий на персональной волне, – мы здесь первые или нет?

– Зачем тебе?

– Ну-у... чтобы знать, чего ждать в случае чего.

– Капитан, – Денис переключил диапазон связи, – мы можем выяснить, есть ли возле Бича гости кроме нас?

– Нет, – тотчас же ответил старпом.

– Что вы хотите делать? – спросила Аурика.

– Хочу знать, мы единственные представители человечества в поясе Койпера или нет. От этого будет зависеть режим нашей работы в этой зоне. Не хотелось бы оглядываться.

– Даже если мы выйдем в эфир, наши конкуренты вряд ли откликнутся, – мрачно сказал Илья.

– И всё же.

– Скорее всего, американцы уже здесь, – сказал Анатолий. – Да и китайцев надо ждать, они ребята прыткие.

– Сделаем всё возможное, – пообещала Аурика.

– В таком случае сближаемся и смотрим во все глаза.

«Енисей» включил эгран-генераторы и начал догонять беззвучно мчавшийся мимо Бич Божий.

* * *

Уходящая чуть ли не в бесконечность серо-серебристая труба с нанизанными на неё утолщениями, усеянная кавернами, буграми и участками совсем тонкими, почти лишёнными осадков, вот каким виделся Бич Божий с расстояния в один миллион километров. Естественно – через оптику телескопов.

«Енисей» вышел точно у его торца, напоминавшего квач – щётку с длинной ручкой, у которой вместо самой щётки была намотана на конец палки тряпка. «Тряпкой» в данном случае были наносы пластов пыли и снега, налипшие на «палку» во время путешествия Бича по галактикам.

Космонавты в течение четверти часа молча, затаив дыхание, рассматривали удивительнейшее из природных чудес, созданное естественным процессом взрывного разбухания Мироздания. И точно так же молчали космены в рубке корабля, не мешая пассажирам любоваться синтезированной компьютером картиной.

– Состав верхнего слоя объекта: водород, гелий, кислород, вода в виде снега и льда, пылевые наносы и мелкие камни, – доложил Егорыч.

Денис очнулся:

– Мониторинг среды...

– Производится в непрерывном режиме.

– Кто-нибудь обнаружен? Я имею в виду искусственные объекты и космические аппараты.

– В пределах сферы чувствительности аппаратуры никого и ничего.

– Они уже могут быть здесь, – снова предупредил экипаж Анатолий.

– Понимаю, о чём речь, – с бархатистой вежливостью ответил Егорыч, – но мои системы обзора и связи имеют конструктивные ограничения.

– Следите постоянно, – сказал Денис.

– Слушаюсь.

– Подходим ближе, до ста тысяч.

«Енисей» плавно нарастил скорость, догоняя конец «квача» Бича Божьего и начиная приближаться.

Подходили осторожно, с малой относительной скоростью (хотя и Бич и корабль летели к Солнцу с одинаковой скоростью – около трёх тысяч километров в секунду), запустив шесть

зондов с аппаратурой. Понаблюдали за увеличивающимся торцом Бича с расстояния в сто тысяч километров. Снова двинулись к нему, «затаив дыхание».

Стали сказываться эффекты, обусловленные нарастанием нелинейного гравитационного поля. Сначала об этом заговорил Егорыч, сообщив о росте напряжений в узлах корабля, потом почувствовали и космонавты: начали сами собой подёргиваться мышцы на плечах, руках, икрах и на животе, перед глазами поплыли призрачные шарики, напоминая мыльные пузыри, кое-кому показалось, что его скручивают в жгут (Богатырёв даже выругался), Анатолия стало поташнивать, о чём он пожаловался командиру.

– Терпи, казак, атаманом будешь, – ответил Денис, у которого стало горько во рту. – Нас предупреждали, с чем мы можем столкнуться.

– Жду указаний, – напомнила о себе Аурика.

– Мы переживаем не совсем приятные... гм-гм, ощущения...

– Нас закручивает гравитация Бича. Сейчас увеличим мощность компенсаторов.

И вправду через несколько секунд неприятные ощущения ослабели и сошли на нет.

– Жить можно, – повеселел Анатолий.

– Погоди ещё, мы пока не подошли вплотную, – остудил его восторги Денис. Переключил линию: – Капитан, подходим ближе, до десяти тысяч.

«Енисей» послушно опустился почти к самому торцу Бича Божьего. Нарост на его конце стал виден невооружённым глазом, напоминая головку спички, только грязно-белого цвета. Диаметр этой «головки» в самой широкой части достигал сорока километров, и дальше от торца она сходилась в тонкую струнку, сверкающую как хрустальный ус. Это отсвечивал в лучах звёзд чистый водяной лёд.

Остановились, вслушиваясь в доклад компьютера.

– Пора отправлять на базу сообщение о прибытии, – сказала Аурика.

Денис хотел ответить: отправляйте, – но в это время на шероховатой поверхности «спичечной головки» просияла искорка, и Егорыч, прервав свою речь, сообщил:

– Наблюдаю выход металла. По моим оценкам, масса до тысячи тонн, конфигурация определённо не хаотическая.

– Приблизь! – отреагировал Денис.

«Спичечная головка» расплылась в стороны. На её краю справа снова мигнула искра: свет звёзд отразился не то от зеркала, не то от блестящей металлической чаши.

– Подходим!

– Проще запустить зонд, – пробурчал старпом.

Он был прав, но Денис не стал отменять своё решение, чтобы не показать слабость.

– Зонд пошлём, когда подойдём ближе.

«Енисей» выписал красивую параболу, какую делает лыжник, скатываясь с горы вниз, и приблизился к Бичу на сто километров. Если учитывать ориентацию положения оси корабля, при которой люди внутри чувствовали себя как на планете, ощущая верх – небо, и низ – землю под ногами, то можно было сказать, что «Енисей» вышел над торцом Бича, так как пассажиры видели его именно внизу. С другой стороны, в космосе не существовало ни «неба», ни «земли», и любая точка относительно корабля могла стать либо выше его, либо ниже.

В растворе экрана стал виден шарик зонда, помчавшийся к «спичке».

Егорыч синтезировал изображение от его камер, и «головка спички» превратилась в ком снега с бурными полосами пыли (было ясно, что на торец Бича осел рой разбитых вдребезги ледяных астероидов), и космонавты принялись изучать «спичку», обмениваясь впечатлениями, не обращая внимания на вернувшийся «мутный костотряс», вызванный переменой положения тел людей в кольцевом гравитационном поле Бича.

Стал отчётливо виден предмет, бликующий металлом.

Зонд опустился практически на «спичечную головку», завис над ней на высоте двухсот метров.

Бликующий предмет больше всего походил на гигантское металлическое акулье рыло, высовывающееся из снежно-каменно-ледяного месива. Трещина, пересекавшая двадцатиметровой ширины нарост, действительно придавала ему сходство с земным морским хищником, хотя ни о каких акулах речь идти не могла. Это был, скорее всего, либо космический корабль иной цивилизации, потерпевший крушение во времена оно, либо разбитая станция.

– Я говорил! – воскликнул Богатырёв. – Мы можем встретить пришельцев! Это их техника!

– Ну, в данном случае пришельцами являемся мы, – проговорил Шестопал. – Бич мог захватить этот артефакт во время пролёта через другую звёздную систему. Однако я не ожидал, что мы так сразу сделаем открытие. Денис Ерофеевич, мне кажется, мы на пороге величайшей сенсации! Этот аппарат – несомненное свидетельство существования внеземных цивилизаций!

– Этих свидетельств полно на планетах Солнечной системы, – пренебрежительно заметил Анатолий.

– Мы ещё не знаем этого наверняка. Может быть, следы на планетах Системы оставили земные цивилизации, канувшие в небытие. Надо немедленно садиться на Бич и исследовать!

Денис прикинул последствия приземления на необыкновенный объект.

Естественно, у них имелась программа на все случаи жизни при достижении цели, но в ней отсутствовал вариант посадки на Бич, не считая запусков летающих дронов и роботов.

«Обойдёмся автоматикой?» – пришла осторожная мысль.

– Сначала роботы. Капитан...

– Я поняла.

«Енисей» завис над «спичечной головкой», щедро расходуя энергию хиггс-реакторов на защиту экипажа и поддержку корабля от падения. Бич, оставаясь в масштабах безграничного космоса тонкой «соломинкой» с налипшими на неё кусочками «снежно-ледяной» грязи, никак не реагировал на его манёвры.

Однако с разведстанциями долго поработать не удалось.

Сначала упал первый зонд, показавший «морду акулы» в пластах снега и песка. Сил его эгрона оказалось недостаточно для маневрирования над рыхлой кучей космического «мусора». Он не разбился, камеры зонда продолжали работать, но взлететь уже не смог.

Та же участь постигла вторую станцию, опустившуюся до высоты в несколько сот метров.

Тогда решили не опускать дроны ниже километра. Их запас на борту корабля был невелик. Из шести роботов оставалось четыре, а работы впереди был непочатый край.

– Всё равно придётся приземляться, – сказал Богатырёв, когда попытки подвести зонды к «акуле» провалились.

– Вы хотите сказать, прибичеваться? – пошутил Анатолий. – Земли тут нет, только лёд, песок да камни.

– Нет, корабль останется на прежней высоте, – сказал Денис. – Капитан, подготовьте катер, мы спустимся к этой куче космических отходов и на месте обследуем находку.

– Как прикажете, – не стала возражать Аурика. – Только прошу учесть, что антигравы катера могут не справиться с перепадами гравитации Бича.

– Благодарю за заботу, постараемся не рисковать понапрасну. Дешешу на базу: мы на месте, обнаружили на Биче искусственный объект, предположительно – космический корабль.

– Я пойду с вами! – безапелляционно заявил Богатырёв. – Нужно взять образцы материала, измерить все параметры объекта и оценить его возраст.

Денис хотел ответить отказом, но передумал. Риск изначально был заложен в программу деятельности членов экспедиции, а слово учёного всё-таки имело большой вес в этой ситуации.

– Хорошо, Валентин Теофилович, готовьтесь. Капитан, мы выходим.

Сборы были недолгими.

Шестопал не стал возражать против участия коллеги в разведрейде, хотя и поворчал насчёт соблюдения объективности исследования.

В транспортном отсеке «Енисей» кроме роботов разного назначения и беспилотников было два катера класса «драккар», способных как быстро летать, так и применять оружие при необходимости (оба предназначались для ВКС), и оба могли вместить до шести человек каждый.

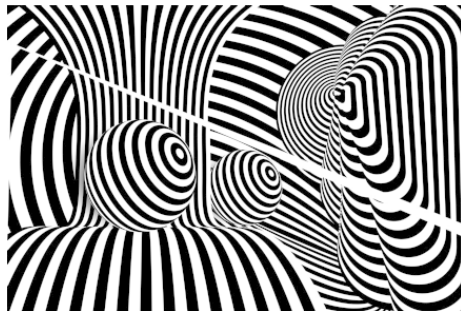
Группа Дениса и Богатырёв заняли места в кабине, сосредоточенные на предстоящей встрече с неведомым.

Аурика пожелала им удачи.

Егорыч отсчитал положенное количество секунд, и драккар, похожий на пятиметровый слиток металла без каких-либо деталей и наростов, вылетел в распахнувшийся провал космоса.

И только почувяв, как напряглись мышцы живота, а в голову вторглась странная пелена, заставившая дрожать кости черепа и пульсировать сосуды мозга, Денис понял, что вне защитной зоны корабля им придётся очень несладко.

Иллюстрация 9

«Ниагара» оправдала своё название почти на сто процентов. Как и её тёзка – река, она вела себя дерзко и независимо, хотя и подчинялась воле человека, заставившего эту совершенную силу служить его замыслам.

Путь от Луны до Бича Божьего занял у космолёта сутки.

Китайцы добрались до объекта за тридцать два часа. Индийцы на «Ганге» – за двадцать шесть. Русские на «Енисее» – всего за шесть часов, и прибыли к Бичу раньше всех, хотя стартовали позже. Но об этом экипаж «Ниагары» ещё не знал.

Настроение у астронавтов было хорошее. Обошлось без особых происшествий, системы корабля работали без сбоев, и лишь однажды случилась задержка, когда сделали промежуточную остановку у Сатурна: вышла из строя одна из видеокамер переднего обзора. Её заменили. Выяснилось, что она была контрафактом, сделанным в Китае. Как видеокамера оказалась установленной на совершенно секретном аппарате Министерства вооружений США, можно было только гадать.

В пятидесяти тысячах километров от Бича корабль прекратил сближение, и астронавты принялись изучать космическое чудо, вызывающее удивление и подспудный страх. Несмотря на малую толщину летящей суперструны, её длина поражала воображение. Никто не представлял себе, как обращаться с этой удивительной конструкцией. Никто не знал, какие опасности она в себе таит.

В течение нескольких часов компьютер корабля по имени Нокс собирал информацию от запущенных к Бичу бесплотных устройств, часть из которых была потеряна, захваченная притяжением феноменально тонкой, а также феноменально длинной и не менее феноменально массивной нити, увешанной гроздьями межпланетного и межзвёздного вещества.

Капитан «Ниагары» полковник Рэй Харрисон посоветовался с экипажем, выслушал сообщения единственного на борту эксперта по астрофизике и космологии Эдвина Балмера и принял решение сблизиться с Бичом на минимально возможное расстояние.

– Работаем по протоколу «ЧС». О любых нестандартных явлениях, ощущениях и предположениях докладывать немедленно! Скафандры не снимать ни при каких обстоятельствах!

Экипаж вразной доложил о готовности работать в режиме чрезвычайной ситуации, и корабль двинулся к белой линии Бича, перечеркнувшей чёрную пропасть космоса перед «Ниагарой».

Подшли на расстояние в десять тысяч километров до Бича, уравнили скорости.

С этой дистанции Бич выглядел не слишком эффектно и грозно, и лишь его длина, почти в десять раз больше расстояния от Земли до Луны, заставляла пристальнее вглядываться в него в ожидании каких-либо сюрпризов.

Запущенные к Бичу беспилотники начали облёт экзотического длинномера на большой высоте. Ниже восьми-десяти километров им опуститься не удалось. Тяготение «тонкой сереб-

ряной паутинки» было настолько мощным и «кривым», что эгранные зонды не справлялись с нарастанием гравитационного поля, и те падали. Потеряв два аппарата, Харрисон отказался от опасного сближения исследовательской техники с объектом, и зонды зависли над покрытой «окислами» трубой на высоте, которая позволяла им не опасаться падения.

Несколько часов потратили на изучение участка Бича длиной около сотни километров.

Квантово-оптические усилители изображений работали превосходно, и астронавты смогли детально рассмотреть «космическую нить», покрытую замёрзшими газами, снегом, водяным и метановым льдом, а также россыпями мелких камней и песка. Местами толщина осевших пород достигала десятка километров и больше, но были видны и совсем тонкие участки метрового диаметра и меньше, так что иногда казалось, будто нить-труба разорвана. Такие провалы встречались довольно часто, достигая километровой длины и превращая Бич в потерявшее бусины ожерелье, странным образом сохранявшее линейную ориентацию.

Трижды система наблюдения «Ниагары» фиксировала слабые неяркие вспышки, возникающие на трубе Бича. Последняя произошла всего в паре километров от вертикали, соединившей зонд и Бич, и стала понятна причина вспышек. Бич нёсся сквозь облако астероидов пояса Койпера и наткнулся на ледяные глыбы и планетоиды, разбивая их фонтанами сверкающих ледяных кристаллов.

Затем один из беспилотников двинулся вдоль оси Бича к его середине («Ниагара» зависла над участком трубы на расстоянии, равном одной трети всей длины Бича), и в рубке управления родилась сенсация: камеры дрона обнаружили среди кучи глыб камня и льда, образовавшей эллипсоидальной формы желвак величиной с три Эвереста, цепочку идеально ровных треугольников размером с волейбольную площадку каждый. Треугольники отсверкивали в свете звёзд слоем инея, осевшего на эти образования, и складывались в геометрическую конфигурацию явно искусственного происхождения.

– Май год! – воскликнул Арни Браннер, навигатор-прима, первым разглядевший изображение. – Браслет!

Действительно цепочка треугольников цвета платины, покрытых патиной изморози, походила на брошенный на снег браслет. Хотя на самом деле эта конструкция имела длину более двухсот метров.

– Опустит зонд пониже, – скомандовал Харрисон.

– Упадёт... – засомневался второй навигатор Родольфо Ковалик.

– Начнёт падать – вернём на прежнюю высоту.

Зонд, обнаруживший сооружение, пошёл вниз.

«Браслет» увеличился в размерах, приобрёл вид выпуклых щитов, накрывающих какие-то здания. Стало видно, что здания соединены узкими стенами золотистого цвета.

Но беспилотник не смог опуститься ниже одного километра. Притяжение Бича возросло скачком, эгран-двигатель не справлялся с силой гравитации, и зонд пришлось поднять выше, до прежней высоты.

Экипаж охватила жажда деятельности. Все понимали значение сделанного открытия, астронавты были людьми креативными, настроенными на поиск нового, и обнаружение искусственной конструкции давало им возможность если не установить контакт с хозяевами «браслета», то изучить сооружение и понять, где Бич Божий мог подхватить его по пути через сотни галактик.

– Надо послать шаттл! – заявил Эдвин Балмер, воодушевлённый больше остальных членов экипажа. Помимо астрофизики и космологии учёный изучал и теории контакта с внеземной жизнью и как никто другой осознавал исключительную важность предполагаемых последствий встречи с обладателями «браслета».

– Челнок не сможет подойти близко, – проворчал Макс Фьюри, оператор бортовых систем. – Каждая тысяча километров этой чёртовой суперструны гравитирует как целая планета!

– Не преувеличивай, Макс, – хмыкнул Браннер. – Нокс, просвети нас по этой части.

– Каждые десять тысяч километров объекта, – ответил компьютер, – обладают полем тяготения, сравнимым с гравитацией Земли.

– Вот, слышал?

– Всё равно это круто! К тому же здешняя гравитация обладает силой кручения из-за малого диаметра струнга. Защита наших шаттлов может не справиться с этой силой.

– Тем не менее мы не имеем права пройти мимо «браслета»! – упрямо боднул воздух Балмер.

Астронавты дружно повернули головы к саркофагу капитана, хотя видеть выражение его лица не могли, упакованные в спецкостюмы, называемые «кокосами» на всех языках мира.

Молчание затянулось.

Харрисон не желал ошибаться в таком ответственном деле и честно считал «за» и «против» всех возможных вариантов. Потому его и назначили командиром нового корабля, что он всегда был осторожен и умел выбирать правильное решение в любых ситуациях.

– Идём на посадку! – наконец объявил он.

– Ура! – взвился Балмер, едва не пробив головой колпак саркофага, выражая свой восторг от перспектив увидеть сооружение, реально принадлежащее чужим разумным существам.

Впрочем, остальные астронавты радовались не меньше эксперта, хотя и вели себя сдержаннее.

«Ниагара» начала сближение с Бичом Божьим.

Когда до сверкающей инеем и льдом трубы объекта осталось не больше ста километров, Харрисон сделал заявление:

– Переходим на протокол «Эль»! Надеюсь, напоминать, чего нам стоит опасаться, не нужно?

Астронавты выдохнули:

– Нет, капитан!

Протокол «Эль» означал реализацию программы действий экипажа космического корабля при столкновении с агрессивной внеземной формой жизни. Название «Эль» протокол получил в память о фантастическом фильме «Чужие» («Aliens»), созданном в Голливуде более восьмидесяти лет назад. После этого все экспедиции американских астронавтов к планетам Солнечной системы учитывали последствия такого «контакта», что казалось им вполне разумным.

* * *

Им повезло. Площадка рядом с «браслетом», буквально в сотне метров от него, оказалась достаточно просторной, и «Ниагара» села на неё с лёгкостью воздушного шарика, несмотря на завихрения гравитационного поля Бича.

Ощущения при посадке и даже ещё раньше – при сближении с горой каменно-ледяных глыб – были не из приятных, силовая защита корабля не в полной мере нейтрализовала внешние гравитационные поля, меняющиеся при малейшем движении, но все терпели, так как не видели других вариантов изучения найденного артефакта.

Это вообще сидело в крови американцев (практически в геноме нации) – опираться на автоматику, сначала – на военные дроны, потом – на роботов, изготовленных по нанотехнологиям, что нередко приводило к катастрофическим последствиям и гибели невинных людей.

Но в данном случае автомат не мог заменить человека, и астронавты сознательно пошли на риск.

Медицинский компьютер посоветовал экипажу воспользоваться имеющимися на борту препаратами, и астронавты, наглотавшись таблеток, почувствовали облегчение. Повеселели. Обменялись шутками.

В первую вылазку к цепочке куполовидных строений, накрытых плоскими треугольниками крыш, отправили самых выносливых членов экипажа: Макса Фьюри и Эдвина Балмера, в прошлом – известного хоккеиста. Здоровья ему и в самом деле было не занимать.

Так как скафандры, несмотря на встроенные антигравы, не имели необходимой защиты от гравитационного сноса, решили использовать один из шаттлов, снабдив его дополнительным экраном. Какое-то время аппарат мог продержаться над Бичом, оберегая экипаж, а расстояние между «Ниагарой» и «браслетом», выросшим до размеров цепочки древних нефтеналивных баков, не превышало сотни метров.

Выслушав инструкции Харрисона (в которых не было нужды, так как все и так хорошо знали свои обязанности), Фьюри и Балмер заняли места в кабине шаттла, и катер, напоминающий формой гигантскую птичью голову, бесшумно выпрыгнул из транспортного отсека наружу сквозь окно силового сфинктера.

На тела астронавтов навалилась странная, скручивающая мышцы, тяжесть.

Макс стиснул зубы, борясь с поплывшими в глазах прозрачными кругами.

– Дьявол! – пробормотал Балмер.

Шаттл замер в десяти шагах от корпуса корабля: его компьютер, получивший данные о самочувствии экипажа, не имел права транспортировать пассажиров, медицинские показатели которых приблизились к опасной черте; у обоих скачком возросло давление, темп сердцебиения и дыхание.

– Сэр? – произнёс он вопросительным тоном.

– Подожди... – выговорил Фьюри.

– Что там у вас? – слышался голос Харрисона.

– Тяжеловато, – признался Макс.

– Сможете продолжить движение?

– Дайте пару минут... освоимся... Эдвин, ты как?

– Кто-то стягивает в узел мои кишки.

– Выдержишь?

– Д-да... наверное, – после паузы ответил эксперт.

– Сэр, рекомендую адаптоген, – сказал компьютер катера.

– Ладно, давай.

Автоматика скафандра активировала аптечку скорой помощи, впрыснув в плечи астронавтов содержимое капсул успокаивающего лекарства.

Через несколько секунд круги перед глазами Макса побледнели и исчезли, дышать стало легче.

– Порядок. Поехали.

Шаттл направился к первому «нефтеналивному баку», отсвечивающему в лучах прожекторов «Ниагары» тусклым серебром изморози.

Вблизи сооружение оказалось не таким гладким, каким его видели глаза астронавтов на расстоянии. Высотой с десятиэтажный жилой дом и шириной в сорок метров, оно состояло из отдельных башен, разделённых метровой ширины щелями. Цвет этих башен был коричневым, что было видно по свободным от изморози пятнам. Вероятно, материал стенок «баков» представлял собой не металл, а какой-то композит. Сами же стенки башен были покрыты зигзагами трещин либо вязью выдавленных в материале иероглифов непонятного назначения.

– Это не космический корабль, – сказал Макс.

– Да, не похоже, – согласился Балмер, забывший о своих «свернувшихся в узел кишках». – Скорее, производственный комплекс либо топливный терминал.

– Откуда он здесь взялся?

– Бич где-то раздолбал планету, и находившийся на ней терминал свалился сюда на груду камней.

– С виду он совсем целый.

– Повезло.

– Не уверен, я почему-то думаю, что это станция.

– Не понял?

– Кто-то прилетал к Бичу и построил на нём исследовательскую станцию. Видишь, как стоят баки? Ровно, прочно, без перекосов и видимых разрушений. Планета, может быть, и разбилась вдребезги, но гораздо раньше, до появления строителей станции, а потом они прилетели и установили комплекс.

Балмер замолчал.

Шаттл поднялся повыше, двинулся вдоль шеренги совершенно одинаковых по высоте и размерам баков, соединённых заиндевевшими коробами длиной метров восемь каждый. Всего зданий-баков насчитывалось одиннадцать, а длина всей цепочки комплекса – больше полукилометра.

– Похоже, ты прав, – сказал наконец эксперт. – Слишком уж ровным полукругом они стоят. Но тогда внутри должны находиться строители комплекса, нет? Точнее, эксплуатанты станции.

– Не уверен. Слишком старым выглядит эта конструкция, ей сотни, если не тысячи, лет. Вряд ли её обитатели живут здесь до сих пор.

– Да, станция действительно выглядит заброшенной. Давай попробуем пробиться внутрь.

– Как?

– Лучементом пробьём дырку... лучше – в коридоре между баками... или взорвём.

– Эй, вы там, террористы, отставить взрывать! – вмешался в разговор разведчиков капитан Харрисон. – Делайте, что необходимо в первую очередь: облетите весь комплекс, снимите здания со всех сторон и возвращайтесь. Мы готовим ползунов, потом обсудим все варианты.

Под ползунами капитан имел в виду мини-роботов, пользующихся манипуляторами и колёсами.

– Есть, капитан! – отозвался Фьюри. – Не обращайте внимания на Эдда, у напарника просто крыша поехала от передозировки адаптогена. Никто тут ничего взрывать не собирался.

– Всё равно придётся, – пробурчал Балмер, не сомневающийся в своей правоте. – Макс прав, внутри этих консервных банок никого нет, кроме, может быть, сдохших автоматов. Давайте хотя бы постучимся в каждый бак, вдруг нам откроют?

– Не знал, что ты верующий, – засмеялся Фьюри.

– Что ты имеешь в виду?

– Это же из Библии? «Стучите, и откроется вам...»

– Не богохульствуйте, еретики, – назидательным тоном заговорил компьютерщик корабля Руби Кнох, который и в самом деле знал Библию и даже везде возил её с собой в книжном варианте. – Это слова Иисуса Христа: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам».

– Можем и постучать, – захохотал Браннер.

– Заканчивайте экскурсию, – оборвал веселье экипажа Харрисон.

Разговоры стихли.

Шаттл послушно поплыл вокруг необычного комплекса, нацелясь стволами аппаратуры и видеокамер на мерцающие снежной коростой стены башен.

* * *

Второй поход к чужой станции (с чем согласились все астронавты) на шаттле также не принёс каких-либо открытий.

Баки-башни комплекса не имели ни дверей, ни люков, ни окон, а его обитатели никак не реагировали на манёвры гостей, даже после того, как они осуществили идею Балмера постучать.

Стучали долго, облетев пять башен, и всё без толку.

– Сказал же – надо пробивать стенку, – напомнил о себе Балмер.

Упрямства ему, как и здоровья, было тоже не занимать.

Совещались недолго.

Время уходило, самочувствие экипажа не улучшалось, хотя все начали понемногу привыкать к воздействию «юлы» здешнего гравитационного поля, и Харрисон принял решение:

– Пробьём дыру в коробе перехода между зданиями. Режим работы прежний.

– Я пойду! – вызвался Балмер. – Один!

– Обойдёмся ползунами. Вслед за ними, если не произойдёт ЧП, пойдёт группа...

– Я! – не дал ему закончить эксперт.

– Пойдёт группа в составе...

– Я пойду!

Раздались смешки.

– Успокойтесь, Эдвин, – сказал Харрисон недовольно, – вы пойдёте тоже, как специалист по ксенологии. Старший группы – Родольфо, оператор – Макс. Готовьте технику.

– БК? – деловито осведомился пилот.

– Полная упаковка, – ответил капитан.

Под аббревиатурой БК подразумевался боекомплект для группы, а полная упаковка означала, что шаттл понесёт на борту вдобавок к штатному оружию – плазмемерам и лучемерам ещё и переносные ракетные «стингеры». Кроме того, все члены экипажа были вооружены персональными лучевыми бластерами.

Погрузка необходимого оборудования, оружия и роботов в катер заняла четверть часа.

Нокс открыл люк грузового отсека, и аппарат, облитый светящейся плёнкой силового поля, выскользнул из корабля в черноту пространства.

Для проникновения внутрь чужого комплекса выбрали ближайший переход от первой башни ко второй.

Родольфо Ковалик опустил шаттл до высоты в два метра над бугристым валом камня и снега.

Фьюри, отвечающий за работу всех периферийных технических систем корабля, выпустил ползуна – робота на манипуляторах, похожего на метровой высоты кенгуру. Робот нёс в кармане «живота» обыкновенный электрический резак, способный функционировать в условиях вакуума.

Для начала решили не пользоваться излучателями и взрывными устройствами.

Робот-ползун потоптался у стенки короба, как коростой покрытой кружевным слоем инея и снега, выбрал почти свободный от изморози участок.

– С богом! – сказал Родольфо.

Макс активировал робота.

Манипулятор плавно поднёс к стенке переходного коридора диск пилы, снабжённый сверхпрочными карбонитовыми зубьями, диск бесшумно завертелся, вонзаясь в матово-коричневую поверхность. Посыпались искры.

Астронавты невольно подались вперёд, морально помогая роботу резать стенку перехода.

Уже было известно (после спектрального анализа), что материал короба необычен и состоит из нитей иридия и палладия, пронизывающих другой не менее экзотический металл – технеций. Причём это были не обычные чистые элементы, существующие и на Земле, а их изотопы. Они, очевидно, и придавали необыкновенную твёрдость материалу. Люди такие удивительные смеси создавать не умели.

Фьюри отключил резак, робот отвёл пилу.

Несколько секунд астронавты рассматривали небольшую царапину на стенке, оставленную зубьями резака.

– Дупель пусто, – глубокомысленно проговорил Фьюри.

– Попробуй ещё раз, – сказал Харрисон, видевший то же, что и разведчики на борту катера.

Резак снова вонзил зубья в стенку короба.

На сей раз операция длилась несколько минут, однако с тем же успехом. Материал переходника оказался намного прочнее, чем суперсплав пилы. Она смогла сделать лишь царапину глубиной в один сантиметр.

– Ладно, пробуем бластер, – не потерял присутствия духа и бодрости Макс Фьюри. – Интересно, держит этот материал высокую температуру или нет?

– Толщина стенки здесь не больше пяти сантиметров, – сказал Балмер, изнывающий от нетерпения. – Прорежем.

– Отведите машину, – потребовал Харрисон, – в сторону.

Ковалик повиновался, сместив катер на два десятка метров влево.

Сверкнул лазерный луч.

На сей раз работа пошла повеселее. Металл яростно сопротивлялся, однако глубина реза росла достаточно быстро, и через минуту луч бластера пробил оболочку коридора.

В образовавшуюся щель вынеслась белёсая струя пара: это замерзал при температуре всего на четыре градуса выше абсолютного нуля вырвавшийся из коробчатого перехода воздух.

– Режем дальше, – сказал Харрисон.

– За полчаса пробили дырку длиной в два сантиметра, – скептически заметил Балмер. – Так мы сутки провозимся.

– Согласен, замучаемся, – поддержал его Фьюри.

– Хорошо, готовьте комплект «си-шестых», – сказал Харрисон. – Уверены, что бластер не справится?

– Капитан, ты же сам всё видел. Режет, но слишком медленно.

– Хорошо, – повторил Харрисон. – Рассчитайте размер дырки.

– Нокс пусть считает.

Харрисон замолчал, сообразив, что волнуется и ведёт себя по-дилетантски, как стажёр во время первого полёта. Расчёт необходимой мощности и конфигурации заряда СИ-6 действительно должен был делать компьютер корабля, получивший данные о плотности материала и толщине стенки.

– Минуту...

Фьюри скомандовал роботу вернуться на борт шаттла.

Ноксу понадобилось всего полминуты, чтобы сделать расчёт и дать рекомендации.

Фьюри загрузил программу действий в компьютер робота, и тот снова пополз к переходу, неся в кармане шесть боезарядов со взрывчаткой.

Установка взрывных устройств на стенке вокруг дырки, пробитой лазером, заняла полчаса.

– Мы готовы, – доложил Родольфо.

– Сдайте назад.

– Мы и так отгребли на полсотни метров.

– Ещё.

Пилот повиновался.

– Бабах! – произнёс Фьюри, выдавая команду на подрыв.

Вспыхнули шесть огненных шаров, соединяясь в единое кольцо.

На земле взрыв наверняка породил бы волну грохота и сотрясение почвы. Здесь же, в безвоздушном пространстве, всё произошло без звука, и сотрясся лишь коробчатый коридор, да и то едва ощутимо. Датчики зафиксировали проседание коридора и соединённых с ним башен в снежно-каменную кашу под ними всего на пару сантиметров.

Огонь погас, облако дыма рассеялось. В лучах прожекторов стала видна неровная борозда в форме кольца, окружавшая почерневший участок стенки диаметром в два метра.

– Матка боска! – восхитился Ковалик. – На такую стенку не одна бомба нужна!

– Ещё порцию, – согласился Харрисон.

Робота вернули, нагрузили взрывкомплект, и он распихал бруски СИ-6 величиной с два кулака каждый в борозде, проделанной первым взрывом. Проворно отполз назад.

– Получите! – выдохнул Фьюри.

На стенке коридора вспыхнуло огненное ожерелье!

На сей раз энергии взрыва хватило на пробой стенки. Двухметровая плита металла, весившая бы на Земле не меньше пары тонн, отделилась от коридора гигантской монетой и плавно рухнула на снежно-каменный вал под стеной, пропахав длинную борозду. В стене открылся чёрный провал.

– Ура! – не сдержал ликования Балмер. – Рудик, подружи поближе, я выйду.

– Не беги впереди трамвая, – вспомнил старую поговорку Фьюри. – Сначала запустим ползуна.

Робот, терпеливо дожидавшийся своей очереди в сторонке от места действия, двинулся к пробитому отверстию. Высота порога под дыркой достигала метра, и ему пришлось повозиться, прежде чем напоминавший кенгуру механизм смог взобраться на иззубренный край дыры и попасть внутрь коридора.

Луч фонаря осветил целый лес свисающих с потолка не то веревок, не то лент бурого цвета. Непосредственно за вырванным участком стены они были повреждены, а дальше в обе стороны коридора занимали практически всё его пространство.

– Это ещё что за щётка? – озадаченно проговорил Фьюри.

– Коридор был заполнен какой-то массой, – предположил Балмер.

– Мхом зарос? – пошутил Родольфо.

– Может, и мхом. За сотни лет мох высох... или кристаллизовался.

– Ну и фантазия у вас, маэстро. Если весь коридор заполнен этими верёвками, мы туда не протиснемся.

– Протиснемся, возьмём бластеры...

– Не спешите, – послышался голос Харрисона, – пошлите ползуна.

– Есть, капитан.

Робот, ворочающий лучом фонаря, зашагал вперёд, протискиваясь сквозь свисающий слой лент.

– Щас оттуда как выпрыгнет!.. – страшным голосом проговорил Фьюри.

– Кто? – фыркнул Родольфо.

– Чёрт!

– Испугал.

– А что, нет?

– Черти нам не страшны. Как говорил один астрофизик: «Better devil you know, then the devil unknown»²⁰.

Ответом Максу был общий смех. Астронавты в принципе были жизнерадостными людьми.

– Господа шутники, не отвлекайтесь, – с показной суровостью проговорил капитан Харрисон.

Робот попытался раздвинуть манипуляторами росший ветвями вниз «кустарник», и это ему с грехом пополам удалось. Однако двигался он с трудом, потому что «кустарник» массой спутанных «ветвей» и «верёвок» заполнил весь коробчатый коридор. Куда бы ползун ни направлял фонарь, луч везде упирался в сплошные заросли.

– М-да, – протянул Родольфо. – Может быть, это оранжерея? И хозяева разводили здесь хлореллу или грибы.

– Креативно мыслишь, – похвалил пилота Фьюри.

– Двигай манипуляторами, не спи.

Робот полез вперёд, обнаружил выход из коридора в бак. Но и там луч фонаря отражался от тех же «зарослей», росших ещё гуще, чем в коридоре.

– Я считаю, что это на самом деле склад, – сказал Фьюри. – В баках хранился запас каких-то материалов или продовольствия. Мы дома тоже храним зерно в элеваторах. Чем не идея?

– Зачем в космосе создавать такие запасы? – скептически спросил Родольфо.

– Баки всё-таки могли стоять на поверхности планеты, а Бич разбомбил её, и весь комплекс рухнул на гору обломков. Эдвин, что молчишь?

– Чего гадать понапрасну? – буркнул Балмер. – Надо идти туда и проверить.

Словно дождавшись его слов, изображение, передаваемое видеокамерами ползуна, подёрнулось рябью и пропало.

– Стенки металлические, толстые, – виновато шмыгнул носом Фьюри, – экранируют сигнал.

– Капитан, разрешите сделать вылазку? – спросил Балмер. – Опасного там ничего нет, если и было что живое, давно сдохло, а ползун не сможет дать объективной оценки.

Харрисон помолчал. Протокол «Эль» не допускал непросчитанных действий и предписывал реагировать на опасность в соответствии с разработанными императивами, в том числе – стрельбой на поражение. Но в данном случае стрелять пока было не в кого.

– Мы пошлём фозма²¹.

– Пока соберётся, пока запрограммируем, пока он доберётся... я быстро – туда и обратно.

На сей раз пауза длилась дольше. Капитан взвешивал своё решение.

– Хорошо, парни, разрешаю короткую прогулку, на полчаса, не больше. Идёте вдвоём – Макс и Эдвин, старший – Макс. Род, обеспечить высадку и обеспечить круговую оборону.

– Слушаюсь, капитан! – бодрым тоном ответил Ковалик.

Шаттл подлетел к пробитому в стене коридора отверстию, и две фигуры в «кокосах», блистая серебром, полезли в дыру...

²⁰ Чёрт знакомый лучше чёрта незнакомого.

²¹ Аббревиатура слов «функционально ориентированный механизм».

Иллюстрация 10

Им не повезло.

«Ганг» неплохо показал себя, преодолевая Солнечную систему вплоть до орбиты Плутона, сделал ещё один прыжок через внутреннюю зону пояса Койпера, но то ли произошёл сбой программы, то ли траектория полёта была не просчитана со всей тщательностью, только при выходе из «трещины» он буквально вонзился в летящий навстречу Бич Божий!

Катастрофы не произошло только потому, что компьютер корабля по имени Индра, действующий гораздо быстрее любого человека, успел включить экран за микросекунду до столкновения, и эта микросекунда спасла и корабль и экипаж.

Уклонившись от горы каменных глыб, перемешанных с глыбами льда и снежными комьями, «Ганг» пропахал в ней боком глубокую борозду и уткнулся носом в настоящий лес из огромных столбов, сверкающих кристаллами льда, усеявших гору с другой стороны.

Несмотря на силовую защиту, обшивка корабля не выдержала, её разорвали трещины, нижний корпус смялся в складки, а нос, разнёсший несколько столбов, сплюснулся как пузырь из фольги и лопнул!

Удар потряс и защитную капсулу, вмещавшую пост управления космолётом, и жилой отсек. Космонавты, не успевшие прийти в себя после крик-скачка и попавшие в «ДТП», снова пережили встряску, хотя все, к счастью, остались живы.

Первым очнулся пилот-прима Тхакур, отличавшийся отменным здоровьем.

За ним зашевелился капитан корабля Рамвилас Сингх. Сиплым голосом запросил компьютер, затем начал вызывать членов экипажа.

Откликнулись все семеро, в том числе единственная женщина на борту, инженер-техник Сита Майтхилиларан.

– Всем принять бета-восстановители, – с облегчением произнёс Сингх. – Проверка систем!

Кто-то охнул.

Только теперь Сингх почувствовал, как на него навалилась странная шатающаяся сила. Мышцы начали подёргиваться сами собой. Перед глазами поплыли цветные круги. Во рту появился кислый вкус. Стало трудно дышать.

– Что за дьявольщина?! – изумлённо выговорил второй пилот Чатурведи Шукла. – Индра, что происходит?!

– Нерасчётные колебания гравитационного поля, – ответил компьютер вибрирующим голосом. – Ускорение свободного падения в месте посадки один и две десятых «же». Но поле имеет круговой градиент...

– Усиль защиту! – перехватил инициативу Сингх.

– Фиксирую сбой программы... не могу запустить компенсатор на полную мощность...

– Сделай что можешь!

– Подключаю резервные айти-мощности... рекомендую использование аптечки скорой помощи...

– Сами разберёмся, дай обзор.

Экраны перед космонавтами, сидящими в противоперегрузочных креслах, прозрели.

«Ганг» стоял, накренившись на левый бок, в глубокой борозде, уткнувшись носовым обтекателем в нагромождение каменных колонн и глыб правильных геометрических форм. Колонны были четырёхугольными, глыбы походили на громадные кубы со стороной метра в четыре и многогранники, многие из которых были расколоты и повреждены. Но следы их искусственного происхождения виднелись отчётливо. Края борозды доставали до середины корпуса корабля, и камеры верхних палуб могли обозревать ландшафт до близкого горизонта. Было видно, что гора обломков, пластов грязного снега и ледяных торосов, имеет округлую форму.

Судя по всему, «Ганг» вонзился не в трубу Бича, уходящую в обе стороны серебристой спицей до полного растворения в пространстве, а в эту гору, когда-то представлявшую собой планетоид или гигантский астероид. Вернее, всё, что от него осталось.

Вдали над соломинкой Бича, километрах в шестидесяти, сверкнула искорка.

– Индра?

– Бич налетел на койпероид, – доложил компьютер. – По моим оценкам, плотность астероидного материала и пыли в этом районе составляет двенадцать десятитысячных грамма на кубический сантиметр.

– А по количеству койпероидов?

– До сотни на миллиард кубических километров.

Сверкнула ещё одна искорка, поближе.

– Похоже, он каждую секунду натывается на камни, – сказал эксперт-астрофизик корабля, Пандав Шрикат.

– Представляю, сколько пыли и снега Бич набрал, прокладывая дорогу через пояс Койпера, – задумчиво проговорила Сита.

– Основную массу он собрал, пересекая галактики.

– Настоящая космическая швабра, – пошутил пилот-навигатор Мохан Шивадан.

– Индра, что копаешься так долго? – проворчал Чатурведи. – Невмоготу уже.

– Минуту, – отозвался компьютер озабоченным тоном.

Скоро все почувствовали ослабление неприятного гнёта: гравитационный компенсатор заработал в полную силу. По отсеку управления пронёсся общий вздох облегчения.

– Жить хочется! – не сдержал эмоций Шивадан.

– Рисалдр, ждём ваших указаний, – приободрился Чатурведи, обращаясь к капитану.

– Стандартная ЧС-процедура, – сказал Сингх. – Выясняем объём разрушений, оцениваем наши возможности по устранению неполадок. Пытаемся установить связь с Центром.

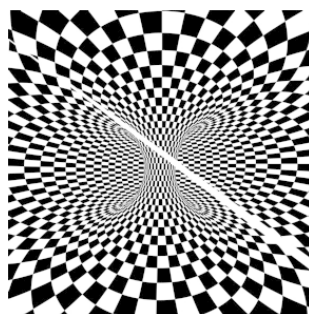
По званию – рисалдр (майор) к нему обращался только первый пилот, остальные называли капитана сааб джи, но после пережитого потрясения Сингх простил навигатору его «вольность».

– Мы наткнулись на руины каких-то построек, – нервно заговорил Шрикат. – Предлагаю разведку.

– После того как приведём корабль в надлежащее состояние. За работу, сар джи!

Вдали над соломинкой Бича вспыхнул прозрачный дымок: разбился ещё один ледяной астероид...

Иллюстрация 11

Вторая вылазка к «морде акулы» принесла несколько открытий.

Во-первых, удалось пробраться внутрь «акульего» сооружения через полуоткрытую «пасть» и пройти до его внутренних помещений, образующих своеобразный сросток «кишок» и «желудков».

Иван сделал предположение, что сооружение – космический корабль, и Егорыч поддержал космонавта, проведя анализ всей полученной информации.

Во-вторых, разведчики – Денис, Анатолий и Ваня Долгушин обнаружили трупы хозяев сооружения, облик которых оказался сродни облику земных улиток, увеличенных в сто раз. Всего трупов насчитывалось больше двадцати, и все останки говорили о том, что катастрофа для них, в результате которой корабль был повреждён, оказалась внезапной.

К сожалению, трупы разумных улиток начали рассыпаться в прах от прикосновений к ним, равно как и многие другие предметы обихода в помещениях, поэтому перенести на борт корабля удалось немного.

Зато находка в хвосте «акулы» необычного аппарата, оказавшегося древним ядерным реактором, подтвердила гипотезу Долгушина: «акула» являлась космическим кораблём, возраст которого Егорыч после тщательного исследования материала определил в миллиард лет.

– Понятно, почему от них остаётся только пыль, – проговорил Богатырёв, сопровождавший разведчиков в качестве эксперта-ксенолога. – Они сохранились столько времени только благодаря низкой температуре, на Земле от них давно не осталось бы никаких следов.

– Законсервировались? – хмыкнул Анатолий.

– Можно сказать и так. Их законсервировал вакуум.

– Но здесь не только трупы рассыпаются в пыль, вообще все вещи.

– Время неумолимо, – философски пожал плечами Богатырёв. – Уверен, на этом корабле мы больше ничего интересного не найдём, надо двигаться дальше.

Денис, осматривающий центральный отсек чужого космолёта, осветил физика, застывшего посреди помещения.

– Вы предлагаете...

– Записать на видео все интерьеры, взять образцы материала и следовать дальше. Длина Бича – три миллиона километров, на него осел не один планетоид, мы ещё найдём чужую технику меньшего возраста.

– Я «за», – сказал Анатолий, выныривая из недр соседнего помещения. – Валентин Теофилович прав, нас ждут находки более информативные и значительные.

Денис пошарил лучом наשלемного фонаря по бликующим замёрзшей слизью стенам отсека. Мысль двигаться дальше посещала и его, и он был благодарен эксперту за то, что тот высказал её раньше.

– Согласен, сюда действительно нужно послать специальную экспедицию для изучения остатков артефакта. Наша задача – дать общую картину состояния Бича и оценить его опасность. Забираем, что можем, останки «улиток» не трогать. Возвращаемся.

Спутники потянулись к выходу, управляя летающими и ползающими кибермеханизмами.

Аурика на решение Дениса не отреагировала никак. Она заботилась о работоспособности корабля и не вмешивалась в планы работы научной группы.

В корабле все вздохнули с облегчением, оказавшись под пузырем защитного поля. «Кокосы» такой защиты не имели, поэтому находиться в них долго на поверхности осевшей на торец Бича каменно-ледяной осыпи, сформировавшей рыхлую гору эллипсоидальной формы, было весьма непросто.

Денис принял озono-капельный душ, привёл себя в порядок и навестил рубку управления, хотя мог отдавать приказания всем космонавтам из своей специализированной каюты.

Экипаж работал. Каждый занимался своим делом, контролируя подчинённые системы, и в рубке царил деловая атмосфера. Все сидели в своих ульеподобных креслах. Кольцевой экран, опоясывающий зал, показывал чёрную бездну космоса, звёздные россыпи, Солнце – самую крупную звезду из всех, и горно-вздыбленный хаос намотанного на торец Бича межгалактического «мусора». Нос «акулы» – разбитого корабля «улиток», торчал из массы льда и камня как рог диковинного зверя, подчёркивал необычность пейзажа.

Аурика, реагируя на открывшуюся дверь, оглянулась на вошедшего, приподняла брови. Её защитный модуль был раскрыт, шлем «кокоса» откинут.

– Денис Ерофеевич? Что-то забыли?

Он усмехнулся, прошагал под взглядами космонавтов до централи управления, присел на выдвинувшуюся из кожуха централи консоль оператора.

– Отправьте депешу в ЦУП: мы направляемся вдоль Бича в поисках потерпевших крушение иноземных космических аппаратов.

– Вы же знаете, прямой связи с центром нет. Но мы, конечно, отправим сообщение. Что-то ещё?

– Где мы сейчас?

Аурика снова приподняла красивую бровь, зная, что начальник экспедиции в курсе, где в настоящий момент находится Бич Божий. Но высказывать своё мнение по этому поводу не стала.

– За сутки Бич преодолел десять ае²². Мы пересекли условную орбиту Плутона и движемся в направлении на Нептун. Если траектория не изменится, через шестнадцать часов Бич пройдёт мимо спутника Нептуна Нереиды.

– Расчёты верны?

На сей раз Аурика не удержалась от колкого ответа:

– Хотите проверить, командир?

Денис сохранил благожелательную мину на лице.

– Существует хорошая русская поговорка: семь раз отмерь, один раз отрежь. Прежде чем докладывать начальству о положении дел и о наших предположениях, надо быть стопроцентно уверенными в их истинности.

– На Земле знают, где находится Бич, – холодно заметил сидевший слева от Аурики Илья. – За ним наблюдают все системы контроля пространства.

– Но мы ближе, и наши данные точнее. Прошу вас ещё раз просчитать траекторию Бича. Нептун и его спутники меня волнуют мало, но я хочу знать, как близко Бич подойдёт к внутренним планетам, к Земле.

²² Астрономических единиц.

– По всем расчётам он минует пояс внутренних планет.
Денис подпустил в голос стали.
– Хотелось бы убедиться в этом.
– От нас не зависит, как будет двигаться Бич.
– Тем более мы должны дать точный прогноз.
– Я поняла вас, Денис Ерофеевич. Сделаем всё, что в наших силах.
– Благодарю. – Денис кинул взгляд на торчащий из кучи глыб «акулий» нос корабля давно погибшей цивилизации. – Взлетаем через полчаса и на высоте десяти километров следуем вдоль оси Бича к его второму торцу.

Экипаж молча проводил его взглядами.

Настроение снова приобрело минорный оттенок. Он и сам не понял, зачем заявился в зал управления, так как в этом не было никакой нужды. Потом сознание призналось, поскольку отрицать не имело смысла: он хотел вживую – не через видеосистемы – увидеть женщину, прочно занявшую место в сердце, и ничего сверхъестественного в этом желании не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.